

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХVІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, д. № 90—1.

1881.

ПОХОДЪ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО ВЪ ЗАПАДНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ ¹⁾.

(Посвящается памяти М. П. Погодина)

Извѣстно, что крайне тщеславный Александръ Македонскій, не покоривъ еще Персїи, а лишь снаряжаясь въ походъ на Дарїа Кодомана, набралъ уже въ свиту свою нѣсколько лицъ, которыя должны были описывать его будущіе подвиги ²⁾, вслѣдствіе чего нѣсколько такихъ описаній явилось не только по смерти великаго завоевателя, но еще при его жизни. Кромѣ этихъ, такъ-сказать, присяжныхъ историковъ и біографовъ ³⁾, исторія Александра была написана, по собственному влеченію, нѣкоторыми изъ близко стоявшихъ къ нему участниковъ его походовъ ⁴⁾. Сверхъ того, иные изъ такихъ участниковъ оставили записки о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ эпизодахъ

¹⁾ Подъ «Западнымъ Туркестаномъ» настоящаго времени разумѣмъ мы, въ противоположность съ «Восточнымъ Туркестаномъ», страны въ бассейнахъ Сыра и Аму, съ юга окаймляемыя горными хребтами: Эльбурзомъ, Паранамисомъ и Гиндукушемъ, на западъ упирающіеся въ Каспійское море, на востокъ ограничиваемыя высотами Памира. Это — Трансоксиана древнихъ географовъ или Мавераннахръ средневѣковыхъ, съ прирѣзкою скатовъ и равнинъ, спускающихся къ сѣверу отъ упомянутыхъ горныхъ хребтовъ и носившихъ въ древности названіе Хорадзін, Гарванін, Маргіаннъ и Бактріаннъ.

²⁾ Quam multos scriptores rerum suarum magnus ille Alexander secum habuisse dicitur? читаемъ у Цидерона въ его рѣчи pro Archia, § 10⁷.

³⁾ Каковы Анаксименъ изъ Лампсака, Каллисеевъ изъ Олинна, Марсіа изъ Пелли, Онесикритъ изъ Эгины, Харесъ изъ Митилена и другіе.

⁴⁾ Таковы полководцы Александра — Аристовуль изъ Кассандренъ и знаменитый впоследствии государь Египетскій Птоломей сынъ Лаговъ.

побѣдоноснаго движенія его по Азіи¹⁾. Наконецъ, двумя придворными его²⁾ велся постоянно подробный камеръ-фурьерскій журналъ, а офицерами генеральнаго штаба Александрова составлялся путевой его дневникъ³⁾. И—все это погибло или дошло до насъ въ ничтожныхъ, безсвязныхъ отрывкахъ! Чтò знаемъ мы теперь о походахъ славобиваго Македонца, знаемъ изъ вторыхъ, изъ третьихъ рукъ, отъ греческихъ и римскихъ писателей, жившихъ черезъ триста, черезъ чetyреста лѣтъ послѣ его смерти. Это: Діодоръ Сицилійскій, Плутархъ, Арріанъ, Юстинъ и Квинтъ-Курцій. Но изъ нихъ, 19-я—34-я главы XVII-й книги Діодоровой „Исторической Библіотеки“ утратились, а въ этихъ-то главахъ и заключалось описаніе Александрова похода за Оксъ; у Плутарха же и Юстина нѣтъ объ этомъ походѣ ни слова; такъ что единственными второстепенными источниками, откуда почерпаются наши свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ Александра отъ перехода его черезъ Гиндукушъ изъ Кабулистана въ 329 году, до возвращенія его въ Кабулистанъ, черезъ тотъ же Гиндукушъ въ 327 году до Р. Х., остаются исключительно Арріанъ и Квинтъ Курцій.

По отношенію къ предмету нашего труда, достоинства и недостатки ихъ весьма неодинаковы. Кв. Курцій, философствующій риторъ, имѣлъ въ виду написать занимательную книгу и вполне достигъ цѣли; но для этой цѣли онъ безпрестанно жертвовалъ истинно: заботясь о красотѣ рѣчей, влагаемыхъ имъ въ уста дѣйствующихъ лицъ, онъ выдумывалъ эти рѣчи; заботясь о драматичности повѣствованія, онъ прибѣгалъ къ сенсаціоннымъ анекдотамъ сомнительной достоверности и амплифировалъ дѣйствительныя событія своими прибавками и прикрасами; стараясь поразить воображеніе читателя описаніемъ необыкновенныхъ мѣстностей, придумывалъ для этого невозможныя подробности. Арріанъ, самъ воинъ, служившій въ Азіи, и авторъ сочиненія о военномъ искусствѣ, пользовался дошедшими до него записками современниковъ Александровыхъ совершенно иначе, чѣмъ Курцій: держался близко ихъ изложенія, мѣстами, замѣтно, даже просто переписывалъ, нисколько не мудрствуя и не извращая своего оригинала, и заботился о вѣрной хронологіи событій⁴⁾. Поэтому, въ

¹⁾ Какъ Неперхъ, какъ Андросеевъ изъ Аменполя, какъ Фениппій изъ Олимпса.

²⁾ Фвиеномъ Кардійскимъ и Діодотомъ Эрмеевскимъ.

³⁾ Известенъ подъ заглавіемъ *Σταθμοὶ τῆς Ἀλεξάνδρου πορείας*. Видъ его Байтонъ и Діогенъ.

⁴⁾ Arrien merite le premier rang parmi les historiens d'Alexandre qui nous restent, et, presque toujours, il doit l'emporter sur eux quand il s'agit d'opérations

нашемъ разсмотрѣніи Александровыхъ дѣйствій руководителемъ возьмемъ мы Арріана и пойдемъ за нимъ шагъ за шагомъ. Но и Арріанъ, какъ окажется при этомъ, изобилуетъ пропусками и оттого весьма неполенъ во многихъ случаяхъ. Пропуски эти будемъ мы дополнять изъ Кс. Курція, стараясь разказы послѣдняго вставлять въ надлежащіе мѣста, на сколько намъ это удастся. Въ виду означенныхъ недостатковъ обоихъ нашихъ источниковъ, нельзя не повторить многожды высказанныхъ сожалѣній, что не дошли до насъ цѣликомъ записки Птолемея или Аристовула, изъ которыхъ черпалъ преимущественно Арріанъ матеріалы для своего „Анавасиса“, или „Стафмы“ Діогнета, или хотя замѣтки по исторіи Александра, набросанныя такими отчетливыми писателями, какъ Страбонъ и Эратоссеенъ.

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ о свѣдѣніяхъ, какія имѣлись о Западномъ Туркестанѣ у греческихъ писателей, предшествовавшихъ Александрову времени.

Свѣдѣнія эти ничтожны и ограничиваются тѣмъ, что сообщилъ Геродотъ въ своихъ „Музахъ“, а именно: что на пространствѣ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, жили разныя, но по видимому родственныя народы — Бактрійцы, Согдійцы, Хоразмійцы, Гирканцы, Арійцы и Саки; что всѣ эти народы, кромѣ Саковъ, покорены были Персами при Кирѣ; что при раздѣленіи Даріемъ Истаспомъ владѣній своихъ на сатрапіи, Бактрійскія земли составили собою цѣлую XII-ю сатрапію, а Согдійцы, Хоразмійцы и Арійцы вошли, вмѣстѣ съ Парѣями, въ составъ XVI-й, при чемъ XII-я сатрапія обложена была ежегодною податью въ царскую казну въ количествѣ 360, а XVI-я—въ количествѣ 300 талантовъ; что въ Ксерксовомъ походѣ на Грецію, Гирканцы вооружены были также какъ Персы, вооруженіе Бактрійцевъ сходствовало съ индійскимъ, а Хоразмійцы и Согдійцы имѣли такое же оружіе какъ Бактрійцы, значитъ—тоже сходное съ индійскимъ; оригинальны были только одежда и вооруженіе Саковъ—островерхіе колпаки изъ войлока, штаны, особаго рода луки, кинжалы и сѣкеры. Ни объ одномъ городѣ у всѣхъ этихъ народовъ не упоминается у Геродота; а изъ рѣкъ въ странѣ ихъ говоритъ онъ только

militaires. Этотъ отзывъ Сентъ-Крюа (Examen des historiens d'Alexandre le grand. Seconde edition. Paris, 1804, p. 102) подтвержденъ всеми послѣдующими исследователями Александровой исторіи.

объ Араксъ, впадающемъ въ Каспійское море, но такъ сбивчиво, что этотъ Араксъ можно принимать и за Сыръ-Дарью, и за Волгу. За Араксомъ жили, по Геродоту, кочевники Массагеты, въ войнѣ съ которыми погибъ Киръ ¹⁾. Вотъ и все.

Быль у Грековъ до Александра и другой, кромѣ Геродота, источникъ свѣдѣній о сценѣ подвиговъ Александра въ 329—327 годахъ до Р. Х., по крайней мѣрѣ объ одномъ углѣ этой сцены, о странѣ Бактрійцевъ—Ктесій Книдскій; но разказы его не пользовались репутаціею достовѣрности. А разказывалъ онъ о Бактріи преннтересныя вещи: что страна эта была богата, могущественна и славна еще задолго до Нина Ассирійскаго; что Нинъ, вознамѣрившись покорить ее, не успѣлъ сдѣлать этого въ первый на нее походъ, и предпринявъ второй, двинулся туда, въ виду многочисленности и храбрости бактрійскихъ войскъ, съ армadoю изъ 1.700,000 пѣхотинцевъ и 210,000 всадниковъ при 9,400 колесницахъ, а царь Бактрійскій, Оксіартъ по имени, противусталъ этому нашествію съ ратью изъ 400,000 воиновъ, и при первой встрѣчѣ съ Ассирійцами побилъ у нихъ до 100,000 человекъ; по затѣмъ, подавленные многочисленностію враговъ, Бактрійцы разсѣялись по своимъ городамъ, которые Нинъ и взялъ безъ большаго труда, но столицы страны, города Бактръ, сильно укрѣпленнаго и обильно всѣмъ снабженнаго, не могъ одолѣть долгое время, и овладѣлъ имъ наконецъ лишь благодаря сообразительности Семирамиды, послѣ чего возвратился во-своихъ съ огромнымъ количествомъ добычи въ золотѣ и серебрѣ; что при Сарданапалѣ Бактрійцы возмущались противъ Ассиріяны и помогали Мидянамъ и Вавилонянамъ разрушить Ассирійское царство; что позже воевали они съ Киромъ, но потомъ подчинились ему, а при Артаксерксѣ I отложились, но также были усмирены ²⁾. Ктесій такимъ образомъ давалъ о Бактрійцахъ, можетъ быть, свыше мѣры выгодное для нихъ, но во всякомъ случаѣ совершенно иное понятіе нежели то, какое можно было составить о нихъ по Геродоту. Равнымъ образомъ другимъ, осѣдлымъ и образованнымъ, а не кочевымъ, народомъ являлись въ разказахъ его и Саки ³⁾. Такъ или иначе, явно то, что въ цѣломъ Западный

¹⁾ Геродотъ: I, 202, 204—216; III, 92, 93; VII, 62, 64, 66.

²⁾ *Ctesiae Cnidii Fragmenta* при Мюллеровомъ изданіи Геродота (Parisii, 1844), стр. 37 b, 46 a, 47 a, 52, a, и въ его же изданіи Діодора Сицилійскаго (Parisii, 1844), I, 84—85.

³⁾ См. въ моемъ изслѣдованіи о Сакахъ (С.-Пб., 1871), стр. 19—24.

Туркестанъ представлялся Македонцамъ совершенною terra incognita, и что походъ въ эту страну былъ для Грековъ сколько военною, столь же и географическою экспедиціей, вожаками въ которой служили имъ Персы, конечно близко знакомые съ областями своими на сѣверъ отъ Эльбурза, Паропамиса и Гиндукуша.

Послѣ проиграннаго сраженія при Гаугамелѣ, Дарій бѣжалъ въ Мидію, рассчитывая собраться тамъ съ силами, чтобы вновь противустать Александру, который, какъ онъ предполагалъ, и какъ случилось дѣйствительно, оставивъ въ покоѣ разбитаго Дарія, двинулся на Вавилонъ, Сузу и Пасаргаду. Утвердивъ же владычество свое въ западной и юго-западной частяхъ царства Ахеменидовъ, Александръ опять обратился противу Дарія въ Мидію. Дарій, не успѣвъ, между тѣмъ, собрать столько войска, чтобы можно было ему сразиться съ грознымъ Македонцемъ, рѣшился отступать передъ нимъ, черезъ Парюю до самыхъ Бактръ, опустошая все на пути своемъ, чтобы преградить или хотя затруднить такимъ образомъ возможность преслѣдованія со стороны Александра. Но не удалось этого несчастному Дарію: едва успѣлъ онъ пройти горнымъ ущельемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Каспійскихъ Воротъ, какъ изъ вельможъ его сопровождавшихъ, Набарзанъ, начальникъ охранной его стражи, Бессъ, сатрапъ бактрійскій, и Варсентъ, сатрапъ въ Дрангіанѣ и Арракосіи, сговорившись, арестовали его, вслѣдъ затѣмъ царемъ Персін и вождемъ войскъ для дальнѣйшей борьбы съ Александромъ провозглашенъ былъ Бессъ. Извѣстившись объ этомъ, Александръ удвоилъ, утроилъ спѣшность преслѣдованія; но когда настигъ, наконецъ, лагерь заговорщиковъ, нашелъ тамъ Дарія уже умершимъ отъ нанесенныхъ ими ранъ, а заговорщиковъ—бѣжавшими далѣе съ небольшимъ числомъ всадниковъ¹⁾.

Персы—по крайней мѣрѣ мужественнѣйшіе изъ нихъ—явно недовольны были Даріемъ за медленность и нерѣшительность его дѣйствій противу македонскаго нашествія и за личную его трусость: въ битвѣ при Гаугамелѣ онъ первый, потерявъ духъ, обратился въ бѣгство. Не надѣясь, чтобы такой слабохарактерный человекъ могъ успѣшно продолжать борьбу съ Александромъ, энергичнѣйшіе изъ

¹⁾ Такъ по Арріану (Ανάβασις, III, 19—22); такъ, въ главныхъ чертахъ, и по Квинту Курцію (Vita Alexandri, V, 8—13).

сопутствовавшихъ Дарію въ его бѣгствѣ условились взять дѣло защиты отечества въ свои руки, для чего и лишили Дарія свободы, нисколько по видимому не располагая отымать у него жизнь, на что рѣшились уже только въ крайности, чтобы Дарій, попавши въ плѣнъ къ Александру, не послужилъ, оставаясь въ его власти, явнымъ препятствіемъ къ предпринимаемому ими патріотическому подвигу ¹⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ, въ дѣйствіяхъ Весса и его соумышленниковъ по отношенію къ Дарію не видимъ мы той преступности, которою возмущались, какъ самъ Александръ, такъ его историки, а вождѣ за ними, не винкая въ дѣло, и новые разказчики Александровыхъ подвиговъ вплоть до послѣдняго времени. Былъ бы Дарій человѣкъ съ характеромъ, какого требовало его положеніе, онъ долженъ былъ бы рѣшиться на четвертый бой съ Александромъ, и, въ случаѣ новой неудачи, лечь костьми на развалинахъ своего царственнаго величія. *No bliese oblige*. Прекрасно излагаетъ Дройзенъ положеніе Дарія въ Экбатанѣ, пока Александръ занятъ былъ покореніемъ Южной Персіи: «Дарій видѣлъ себя здѣсь окруженнымъ вѣрными войсками, храброю персидскою знатію; при немъ находилось ядро ея, знаменитая «тысяча» подъ предводительствомъ Набарвана, сатрапъ индійскій Атронатъ, Аутоерадатъ сатрапъ табериостанскій, Фратавернъ сатрапъ Гирманъ и Парейн, сатрапъ Аріи Сатибарванъ, сатрапъ Аррахосіи и Дрангианы Варсентъ, отважный бактріецъ Бессъ, родственникъ Даріевъ, и съ нимъ 3,000 бактрійской конницы, участвовавшей отъ сраженія при Гаугамелѣ; дѣла—братъ Даріевъ Оксаеръ, и во главѣ всѣхъ, увлеченный сѣдинами Артабазъ, многоиспытанный другъ Даріевъ, быть можетъ—благороднѣйшая личность между Персами, и съ его сыновья; кромѣ того—сынъ покойнаго царя Оха, Вистанъ, и Артабазъ, сынъ вавилонскаго наѣзника Мазая. Оставалось еще при Даріѣ вѣскольکو тысячъ греческихъ наемныхъ войскъ подъ начальствомъ Фокійца Патрона; ожидалось прибытіе многихъ тысячъ Кадусійцевъ и Скивовъ. Индія представляла довольно мѣстностей, въ которыхъ можно было укрѣпиться, напримѣръ, проходы ведущіе изъ нея въ восточныя и сѣверныя сатрапіи, проходы, въ которыхъ легко было держаться противу превосходныхъ вражескихъ силъ, заграждая имъ дальнѣйшій путь» (*Geschichte Alexanders des Grossen*. 3-to Auflage. Gotha, 1880, S. 198). Прибавимъ къ этому что, по Кс. Курцію (V, 8), имѣлось у Дарія въ Экбатанѣ 30,000 пѣхотнаго войска, въ томъ числѣ 4,000 вѣрныхъ греческихъ наемниковъ; сверхъ того корпусъ стрѣлковъ и пращниковъ въ 4,000 человекъ, да 3,300 всадниковъ, преимущественно бактрійскихъ. И какъ же поступаетъ Дарій при такихъ силахъ въ его распоряженіи? Взять изъ Экбатаны, сломя голову, лишь только доходить до него слухъ о движеніи къ ней Александра, и заводить рѣчь о томъ, чтобы вступить въ бой съ неутомимо преслѣдующимъ его Македонцемъ—когда? Когда Каспійскія-Ворота были уже пройдены и оставлены безъ всякой защиты, когда, въ виду малочислѣнаго Даріева, половина войска его сопровождавшаго разбрелась уже въ разныя стороны, и покинули уже его многіе изъ преданной ему дотогѣ персидской знати, отправившись на поклоненіе къ Александру. Явно, что битва въ такихъ обстоятельствахъ была бы безуміемъ, что будто бы и высказалъ ему одинъ изъ остававшихся еще при

А подвигъ этотъ весьма могъ увѣнчаться успѣхомъ. Александру удалось до сихъ поръ забрать на-скоро только тѣ области Персидскаго царства, въ которыхъ духъ Иранской народности былъ наиболѣе слабъ, вслѣдствіе смѣшенія Персовъ съ разными чужеплеменниками и сильнаго численнаго преобладанія послѣднихъ надъ первыми. Та же причина, черезъ тысячу лѣтъ, дозволила и Арабамъ покорить юго-западную Персію съ такою же быстротою, съ какою овладѣли ею Македонцы. Въ восточныхъ областяхъ Персидскаго царства, населенныхъ почти исключительно колѣнами арійскими, иранскій духъ былъ, напротивъ, весьма крѣпокъ. Оттуда народныя легенды и выводили такихъ героевъ, спасителей Персіи, какъ Залъ и Рустемъ. Въ сѣверныхъ же областяхъ монархіи Ахеменидовъ по Оксу и за Оксомъ, если персидскій патріотизмъ и не имѣлъ мѣста, за то господствовала любовь къ политической независимости, враждебная

имъ военачальниковъ, если вѣрить Курцію (V, 9); но, принимая во вниманіе характеръ Дарія, слѣдуетъ полагать, что, успѣвъ убраться за Каспійскія-Ворота, онъ и не думалъ схватиться съ Александромъ въ Парсіи, а спѣшилъ, спѣшилъ всенародно уйти поскорѣе въ Бактрію, надѣясь что тамъ, быть можетъ, удастся ему отбиться отъ Македонцевъ. Полагаемъ, что какъ длинная рѣчь Дарія къ своимъ военачальникамъ, такъ и отвѣтъ на нее Набарзана, читаемыя въ 8-й и 9-й главахъ V-й книги Курція—выдуманы самимъ этимъ писателемъ безо всякаго на то историческаго основанія, единственно въ силу того права, что *copiosius est rhetoribus ementiri in historia, ut aliquid dicere possent argutius*, какъ читаемъ у Цицерона. Вообще, говоря о Бессѣ и его соумышленникахъ, Кс. Курцій старается представить ихъ, и въ настоящемъ случаѣ, и позже, величайшими мерзавцами, которые дѣйствовали движимые лишь властолюбіемъ и эгоизмомъ; но этому противорѣчатъ безпрестанно факты, имъ самимъ приводимые. Такъ, еслибы Бессъ и его соумышленники хотѣли смерти арестованнаго имъ Дарія, зачѣмъ было бы имъ предлагать ему—когда Александръ настигалъ уже ихъ—сѣсть на коня и бѣжать виѣстъ съ ними, отъ чего самъ онъ отказался, какъ рассказываетъ Курцій (V, 13). По нѣкоторымъ выраженіямъ у Юстина (что Дарій заключенъ былъ въ оковы «*a cognatis suis*» (XI, 15), у Арріана (что Бессъ провозглашенъ былъ царемъ во вниманіи, между прочимъ, къ его «*οἰκιστὴς τῆς τῆς Δαρείου*» (III, 21); и что Александръ, обращаясь къ Бессу, называетъ Дарія *τὸν βασιλέα τὸν αὐτοῦ καὶ διὰ οἰκίαν* (III, 30)—можно заключать, какъ видѣли мы сейчасъ дѣлаетъ это и Дройзенъ, что Бессъ приходился родственникомъ Дарію. А если такъ, то рѣшимость его поступить какъ онъ поступилъ становится еще менѣе предосудительною. Наконецъ, если бы заговорщики имѣли въ виду, какъ говорятъ и Арріанъ (III, 21, 5) и Кс. Курцій (V, 9, 25), купить себя милость Александра цѣною выдачи ему Дарія, зачѣмъ не исполнили они этого, когда Александръ гнался за Даріемъ и настигалъ уже ихъ? Явно, что задалась она не личными выгодами, а заботою отстоять независимость отечества.

всякому иноплеменному племени. Заключаемъ объ этомъ, между прочимъ, изъ исторіи завоеванія Мавераннахра Арабами, длившагося около ста лѣтъ; убѣдимся въ этомъ немедленно и упорнымъ сопротивленіемъ, какое оказано было тамъ македонскому оружію. Бессъ и его соумышленники могли вполнѣ рассчитывать, что удайся имъ нанести Александру хотя одно чувствительное пораженіе, вся ткань его предшествовавшихъ завоеваній можетъ расплзтись въ одну минуту: все, что свяди его на прострaнствѣ отъ Эгейскаго моря до Персїи и отъ Каспійскаго моря до Персидскаго залива пришибено было имъ, такъ сказать, мимоходомъ, ошеломлено болѣе нежели поражено, могло, и по всей вѣроятности, должно было поднять голову, и отрѣзавъ завоевателя отъ базиса его дѣйствій и источника его силъ, обратить грознаго побѣдоносца въ безславнаго бѣглеца или жалкаго плѣнника ¹⁾. Да, сильнѣйшимъ образомъ рисковалъ Александръ, и славою своею и жизнію, забираясь въ неизвѣстную ему глубь царства Ахеменидовъ. А что же заставляло его пускаться на этотъ рискъ? Необходимость управиться съ Бессомъ, въ которомъ видѣлъ онъ противника себѣ несравненно опаснѣйшаго, нежели слабодушный Дарій, противника, который грозилъ уничтожить всѣ плоды одержанныхъ имъ надъ Даріемъ побѣдъ. Вслѣдствіе этого и проникся Александръ величайшею ненавистію къ Бессу.

Но какъ ни желательно было Александру захватить Бесса въ свои руки, преслѣдовать его по горячимъ слѣдамъ, какъ гнался онъ за отступавшимъ Даріемъ, было для него совершенною невозможностію за крайнимъ истощеніемъ его войскъ, особенно конницы, вслѣдствіе усиленной погони за Даріемъ. Необходимо было этимъ истощеннымъ и растапувшимся по линіи погони ратникамъ дать отдохнуть и оправиться, а палыхъ коней замѣнить свѣжими, не говоря уже о неотложности другихъ административныхъ распоряженій. Катастрофа съ Даріемъ имѣла мѣсто, по Юстину (XI, 15), около персійскаго селенія

¹⁾ Затруднительность положенія, въ которомъ находился Александръ, превосходно заставляетъ излагать его самого Кв. Курцій, въ рѣчи, которую яко бы держалъ онъ къ воинамъ своимъ въ Гекатомпильѣ: «Quid? creditis tot gentes alterius imperio ac nomine assuetas, non sacris, non moribus, non commercio linguae nobiscum cohaerentes, eodem proelio domitas esse, quo vietae sunt?... Hircaniam Nabarzanes occupavit; Bactra non possidet solum parricida Bessus, sed etiam minatur; Sogdiani, Dahae, Massagetae, Sacae, Indi sui juris sunt. Omnes hi, simul terga nostra viderint, sequentur. Illi enim ejusdem nationis sunt, nos alienigenae et exteri» (VI, 3, 8—10).

Тары, по близости, какъ полагають новыя изслѣдователи, нынѣшняго Шахруда. Отсюда, для означенныхъ надобностей, Александръ вернулся нѣсколько назадъ, въ столицу Парейн Гекатомниосъ (по Кв. Курцію, VI, 2), находившуюся, какъ думаютъ, или въ нынѣшнемъ Шахрудѣ, или между нынѣшнимъ городомъ Дамганомъ и селеніемъ Дегъ-Мулла ¹⁾).

Распорядившись здѣсь чѣмъ было нужно, успокоившись относительно положенія дѣлъ въ Греціи, и отпраздновавъ разнообразными пиршествами и оргіями паденіе царства Ахеменидовъ ²⁾, Александръ снова обратился къ мысли о преслѣдованіи Бесса. Но чтобы добраться до Вактрин, куда онъ укрылся, необходимо было покорить предварительно попутныя туда страны, и обезпечить при этомъ, болѣе или менѣе, свой лѣвый флангъ: справа отъ Парейн тянулась безводная пустыня, откуда не могла возникнуть никакая опасность для его сообщеній. И вотъ, видимъ, направляется Александръ на сѣверъ отъ Парейн, въ Гирканию. Сюда, кромѣ означенной стратегической надобности, долженъ былъ онъ обратиться и потому, что въ эту страну, послѣ убійства Дарія, укрылся со своею „тысячею“, одинъ изъ главныхъ виновниковъ этого убійства, Набарзанъ, а въ сосѣднюю Тапурію ушли съ Артабазомъ остатки наемнаго греческаго войска, до послѣдней минуты оставшіеся вѣрными несчастному царю Персін.

Вступленіе Александра въ Гирканию было первымъ шагомъ его въ предѣлы Западнаго Туркестана. Потому извѣстія объ этомъ походѣ должны мы изложить съ подробностію.

Планъ похода былъ таковъ. Войска раздѣлены были на три колонны. Одна, подъ начальствомъ Кратера, изъ пѣхоты его и Аминтова полка съ частию конницы и стрѣлковъ, направлена была въ Тапурію съ порученіемъ привести къ покорности мѣстное населеніе, а равно и греческихъ наемниковъ Дарія, туда ушедшихъ, если ихъ встрѣтитъ. Другая колонна, подъ начальствомъ Эригія, изъ его наемной и части остальной конницы, послана была въ Гирканию по большой туда дорогѣ, прикрывая отправленные съ нею обозъ и про-

¹⁾ Герцбергъ, Die asiatischen Feldzüge Alexanders des Grossen. 2-te Auflage. Halle, 1875, Th. II, S. 31—34.

²⁾ Такъ по Кв. Курцію (VI, 2) и отчасти по Діодору (XLII, 75); Аппіанъ же, отъ разказа о смерти Дарія переходитъ непосредственно къ описанію похода въ Гирканию.

чія военныя тяжести. Третью колонну составили всѣ остальные войска подѣ начальствомъ самого Александра, предпринявшаго проникнуть въ Гирканию кратчайшимъ, хотя и труднѣйшимъ путемъ ¹⁾. Эригий двигался, надо полагать, одною изъ двухъ дорогъ, которыя пролегаютъ нынѣ изъ Шахруда въ Астрабадъ, по всей вѣроятности такъ-называемою Кузлукскою, длиною въ 18 фарсаховъ, такъ какъ она ровнѣе и удобнѣе другой, извѣстной подѣ именемъ Зіаретской ²⁾. Кратеръ, можно думать, направился изъ Гекатомпилоса (Дамгана) тою дорогою, которая ведетъ нынѣ изъ Дамгана въ Сари черезъ Таукъ ³⁾. Дорога же, которою пошелъ изъ Гекатомпилоса самъ Александръ, представляется намъ тою что изъ Дамгана на Гязъ пролегаетъ Шимширь-бурскимъ ущельемъ ⁴⁾. Движеніе этою дорогою, въ виду горнаго ея населенія, совершалось съ особою осторожностію. Пройдя предгорія, Александръ сталъ лагеремъ. Затѣмъ въ дальнѣйшій трудный путь двинулся лишь со щитоносцами и подвижнѣйшими македонскими фалангитами и частию стрѣлковъ, разставляя караулы по всѣмъ мѣстамъ, откуда горцы могли-бы кинуться на остальные части войска, таявшіяся слѣдомъ за нимъ. Переваливъ черезъ главный хребетъ Эльбурза, въ сопровожденіи почти однихъ стрѣлковъ, вышелъ Александръ на поляну, орошаемую небольшою рѣчкою, и сталъ тутъ лагеремъ, ожидая чтобы подошли всѣ воины его отряда. Часть ихъ прослѣдовала благополучно, на Агрійцевъ же туземцы накидывались, но были ими отбиты ⁵⁾. Такъ по разсказу Арріана (III, 23), въ добавокъ къ которому читаемъ у Кв. Курція лишь баснословныя подробности о рѣкѣ Зиоберисъ или Зиобетисъ, орошающей вышеупомянутую поляну, и впадающей въ другую рѣку, Ридаго, или Ридагно, по имени (IVI, 4). Весьма вѣроятно, что поляна, о которой идетъ рѣчь,

¹⁾ Арріанъ, III, 23.

²⁾ Подробное описаніе Кузлукской дороги см. у Мелыунова, въ книгѣ его «О южномъ берегу Каспійскаго моря» (С.-Пб. 1863), стр. 82—88. Зіаретская описана у Конолли (Journey overland to the North India etc. (London, 1834), I, 212—218, и у Бларамберга (Статистическое обозрѣніе Персіи, въ 8-й части Записокъ Имп. Русскаго Географическаго Общества, С.-Пб. 1853, стр. 179—180).

³⁾ Описана у Форстера (Journey from Bengal to England, I, 185—201). По Курцію (VI, 4, 7), Кратеръ оставленъ былъ въ Парсѣи.

⁴⁾ Описана у Мелыунова, l. с., стр. 89—91.

⁵⁾ Агріанцы—воинственный ерако-македонскій народецъ, контингентъ отъ котораго находился въ Александровомъ войскѣ.

есть нынѣшняя долина Чаманъ-Саверъ, гдѣ, по Морьеру ¹⁾, останавливался также лагеремъ и Фетхъ-Али, шахъ персидскій, когда, въ 1809 году, ходилъ походомъ на Туркменовъ. Рѣкъ Зиобетисъ (Стибойтесъ, по Діодору) въ такомъ случаѣ будетъ соответствовать нынѣшняя рѣка Шачку, впадающая въ рѣку Ника; имя же Ридаго сохраняется до сихъ поръ въ названіи селенія Радеканъ, находящагося неподалеку отъ впаденія Шачку въ Никю.

Въ продолженіе четырехдневнаго пребыванія на означенной выше полянѣ, явились къ Александру, предавая себя въ его руки, сатрапъ Гирканія и Парейн Фратафернъ, въ сопровожденіи многихъ знатныхъ Персовъ изъ окружавшихъ Дарія, и Набарзанъ, одинъ, какъ видѣли мы, изъ главныхъ виновниковъ ареста и смерти Дарія. Всѣхъ ихъ Александръ принялъ благосклонно, простилъ и Набарзана ²⁾ — новое доказательство, что Бесса возненавидѣлъ онъ не за „измѣну“ Дарію, а за то, что тотъ задумалъ противодѣйствовать македонскому нашествію на его отечество.

Дорога, которою двигался Александръ, вывела его прямо къ берегу Каспійскаго моря, которымъ и направился онъ на востокъ, въ Гирканію. На этомъ пути соединился съ нимъ Кратеръ, докладывавъ, что греческихъ наемниковъ Дарія не встрѣтилъ, а Тануровъ силою или добровольно привелъ къ покорности. Вслѣдъ затѣмъ присоединился съ тяжелымъ обозомъ и Эригій ³⁾. По Кв. Курцію, присоединенія эти имѣли мѣсто въ городѣ Арвы (VI, 4), которому, такимъ образомъ, долженъ соответствовать нынѣшній Астрабадъ или развалины древнаго города, видѣнныя Фрезеромъ около Акъ-Калэ, верстахъ въ 20-ти на сѣверъ отъ Астрабада. Вскорѣ явились съ покорностію Артабазъ съ тремя сыновьями ⁴⁾, сатрапъ Танурип Аутофрадаты, и послы отъ греческихъ наемниковъ съ предложеніемъ принять ихъ въ составъ македонской арміи. Артабазу и сыновьямъ его, изъ уваженія къ за-

¹⁾ Второе путешествіе по Персіи, *Морьера* въ французскомъ переводѣ (Paris, 1818), т. II, стр. 362.

²⁾ Арріанъ, III, 23; по Кв. Курцію (VI, 5), Набарзанъ, прежде личной явки, писалъ къ Александру, и явился тогда лишь, когда послѣдній обѣщалъ ему прощеніе, явился съ богатыми дарами и красавцемъ евнухомъ Багоемъ (котораго жаловалъ Дарій, который полюбился и Александру), уже послѣ экспедиціи на Мардовъ, о которой сейчасъ пойдетъ рѣчь.

³⁾ Арріанъ, I, с.

⁴⁾ По Кв. Курцію, Артабазу было въ это время 95 лѣтъ отъ роду, и явился онъ къ Александру съ девятью сыновьями, все отъ одной матери (VI, 5).

слугамъ его и вѣрности Дарію, далъ Александръ мѣсто въ своей свитѣ; Аутофрадата оставилъ сатрапствовать надъ Тапурами; пославъ же наемниковъ отвѣчалъ, что ни въ какія условія входить съ ними не намѣренъ, и чтобъ они, или сдались безусловно, или искали спасенія какъ знаютъ ¹⁾.

Изъ тѣхъ же Арвѣ, или съ пути оттуда къ столицѣ Гирканіи, Задракартѣ, предпринятъ былъ Александромъ поискъ на Мардовъ, горный народъ между Гирканіею и Пароіею, никѣмъ до тѣхъ поръ непокоренный, ожидавшій потому, что и Александръ оставилъ его въ покоѣ. Пользуясь этою безпечностію Мардовъ, Александръ ударилъ на нихъ неожиданно ²⁾, съ пѣхотою Койна и Аминты, со щитовосцами, стрѣлками, Агріанцами, половиною конной гетеріи ³⁾ и конными копѣйщиками, и вскорѣ заставилъ подгорныхъ бѣжать въ горы, а когда и туда проникъ, то весь народъ изъяснилъ ему покорность, и получилъ въ сатрапы того же Аутофрадата, вѣдѣнію котораго поручены были и Тапуры. Такъ по Арріану (III, 24). У Кв. Курція обстоятельства этого поиска разказаны гораздо подробнѣе. Причиною поиска выставляетъ онъ то, что нѣо всѣхъ народовъ края только Марды не выслали къ Александру пословъ съ изъясненіемъ покорности. Напавъ на зарѣ на ближайшихъ изъ этихъ горцевъ, онъ быстро овладѣлъ ихъ селеніями; но народъ бѣжалъ выше, въ свои скалистые и густо заросшія лѣсами горы, доступъ куда былъ затрудненъ, сверхъ того, особымъ способомъ защиты—загородами изъ деревьевъ пригнутыхъ вѣтвями къ землѣ, вслѣдствіе чего отъ вѣтвей этихъ, какъ отъ новыхъ корней, выростали новыя деревья, вѣтви которыхъ были, въ свою очередь, сплетаемы одні съ другими, такъ что все это, покрытое густою листвою, представляло непроницаемую сѣть. Оставалось прорубаться сквозь эту сѣть, что представлялось крайне труднымъ по твердости старыхъ стволовъ и вѣтвей, и по гибкости молодыхъ. Велѣно было обходить эти загороди, ища нелзя ли проникнуть въ какое либо отверстіе. Многіе изъ солдатъ заблудились при этомъ и взяты были въ плѣнъ. Захваченъ былъ и знаменитый конь Александра, Букефалъ. Это болѣе всего огорчило его хозяина.

¹⁾ Арріанъ, III, 23, 7—9.

²⁾ По Діодору (кн. XII, 76), нападеніе Александра на Мардовъ вовсе не было для нихъ неожиданнымъ, такъ какъ они собрались для встрѣчи его въ числѣ 8.000 воиновъ.

³⁾ Такъ называлась конная гвардія Александра изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ македонскихъ ратниковъ.

Черезъ переводчиковъ велѣлъ онъ объявить, что если ему не приведутъ Вукефала, онъ никого изъ Мардовъ не оставитъ въ живыхъ. Угроза подѣйствовала, конь былъ приведенъ вмѣстѣ съ дарами, а затѣмъ, въ виду того что Македонцы стали прорубаться черезъ загороди или засыпать ихъ землею, Марды покорились и выдали заложниковъ (Кв. Курцій, кн. VI, гл. V, § 11—12).

Изъ этого поиска, продолжавшагося пять сутокъ, Александръ возвратился въ свой лагерь, гдѣ уже нашелъ прибывшими греческихъ Даріевыхъ наемниковъ, согласившихся на безусловную сдачу. Часть ихъ онъ отпустилъ домой, другую принялъ на службу къ себѣ съ тою же платою, за которую служили они Дарію, и продолжалъ путь къ Задракартѣ ¹⁾.

О мѣстоположеніи этой столицы Гирканіи не имѣется никакихъ свѣдѣній у древнихъ писателей, до насъ дошедшихъ. По нашимъ соображеніямъ, Задракарта должна была находиться болѣе или менѣе далеко на сѣверо-востокъ отъ Астрабада, и соответствовать Джорджану средневѣковыхъ арабскихъ географовъ, на р. Гюргени, или быть отыскиваема еще далѣе на С.-В. Здѣсь окончаніе гирканскаго похода отпраздновано было, въ теченіе 15 дней, по греческимъ обычаямъ, жертвоприношеніями, гимнастическими играми и роскошными пиршествами ²⁾. Отсюда Александръ направился къ Бактріанѣ, противу Весса.

Какимъ путемъ двинулся онъ изъ Гирканіи по направленію къ Бактріанѣ? Черезъ Парѣиену — говорятъ положительно и Арріанъ, и Кв. Курцій. Полагаемъ, что изъ трехъ дорогъ, которыя пролегаютъ отъ Шахруда на Гератъ черезъ древнюю Парѣиену, Александръ избралъ ту, которая идетъ отъ Буджнурда, еще въ предѣлахъ Гирканіи, на Ширванъ, Чинаранъ и Мешгедъ, и что первый городъ Арійской области, куда онъ прибылъ, Сусія, соответствовала средневѣковому Тусу, развалины котораго видны недалеко на сѣверо-западъ отъ Мешгеда. Сюда, въ Сусію, явился къ Александру, съ изъясненіемъ покорности, сатрапъ Аріи Сатибарзанъ, и Александръ, принявъ

¹⁾ Арріанъ, кн. III, гл. 24, § 4.

²⁾ Арріанъ, кн. III, гл. 25, 1—3. Ко времени этихъ торжествъ относятъ Діодоръ и Кв. Курцій прибытіе къ Александру царицы амазонокъ Талестры и пребываніе ея у него. Что это чистѣйшая сказка, извѣстно изъ Плутарха («Александръ», 46) и, еще ранѣе его, изъ Страбона (Geographica, XI, 5, 4).

покорность этого вельможи, оставилъ его въ управленіи означенною сатрапіею, и, собственно для охраны Аріійцевъ отъ проходившихъ ею македонскихъ войскъ, далъ ему 40 конныхъ копѣйщиковъ подъ начальствомъ Анаксиппа, одного изъ гетерін; здѣсь же, явившимися къ нему Персами, доведено до свѣдѣнія его, что Бессъ, сидя въ Бактріанѣ, сталъ носить царскую тиару и облаченіе, принялъ имя Артаксеркса и, окруженный многочисленными приверженцами изъ Персовъ и Бактрійцевъ, ждетъ прибытія на помощь къ себѣ союзныхъ Скиновъ (Арріанъ, I. с.) Извѣстія эти, конечно, еще болѣе увеличили желаніе Александра добратъ поскорѣе до самозванца; почему къ этому именно времени и полагаемъ мы относящимся разказъ Кв. Курція о томъ, какъ македонскій государь, чтобы облегчить движеніе войскъ своихъ, обремененныхъ обозомъ съ огромною добычею, приказалъ сжечь этотъ обозъ, начиная съ собственныхъ его экипажей ¹⁾. Но едва сдѣлалъ Александръ нѣсколько переходовъ изъ Сусін, какъ получилъ извѣстіе, что Сатибарзанъ, оставленный имъ сатрапомъ Аріи, возмущился, перебилъ данную ему греческую стражу, и въ Артакоанѣ, столицѣ области, собираетъ войско, чтобы идти съ нимъ на помощь къ Бессу. Александръ тотчасъ же вернулся и пресѣкъ возстаніе, но Сатибарзанъ, съ немногими всадниками, успѣлъ-таки убѣжать къ Бессу. Послѣ этого, Александръ, вмѣсто того, чтобы опять идти на сѣверовостокъ противу Бесса, поворачиваетъ вдругъ на югъ, въ Дрангіану. Что было причиною этой перемѣны въ его намѣреніяхъ, ни Арріанъ, ни Кв. Курцій, не объясняютъ. Причиною, полагаемъ, было соображеніе, что такихъ же враждебныхъ замысловъ, какіе обнаружилъ Сатибарзанъ въ Аріи, можно было ожидать и въ сосѣдней Дрангіанѣ, такъ какъ сатрапомъ тамъ сидѣлъ Барсентъ, одинъ, какъ видѣли мы, изъ участниковъ заговора противу Дарія, стало быть отъявленный врагъ македонскаго владычества въ Азіи. Не въ силахъ сопротивляться Александру, Барсентъ бѣжалъ на Индъ, но былъ схваченъ тамошними жителями и впослѣдствіи выданъ Александру, который и приказалъ лишить его жизни. Изъ Дрангіаны прошелъ Александръ въ Гедросію, оттуда въ Аррахосію, изъ Аррахосіи въ Кабулистанъ, и всѣ эти страны покорилъ, повидимому, безъ особаго сопротивленія со стороны туземцевъ, тогда какъ въ Аріи Сатибарзанъ, явившійся туда съ двумя тысячами всадниковъ, данныхъ ему Бессомъ, опять поднялъ возстаніе. Распорядившись усмиреніемъ возставшихъ, причемъ палъ и Са-

¹⁾ Кв. Курцій, кн. VI, гл. 6, § 15.

тибарзанъ, Александръ снова двинулся на Бесса въ Бактріану, вторгнувшись туда съ юга черезъ „Кавказъ“ (Гиндукушъ)¹⁾.

Пока въ западной Европѣ не имѣлось о странахъ на югъ и на сѣверъ отъ Гиндукуша никакихъ сколько нибудь точныхъ и подробныхъ свѣдѣній, комментаторы походовъ Александра утверждали единогласно, что черезъ хребетъ этотъ пробрался онъ Ваміанскою дорогою. Въ настоящемъ положеніи нашихъ географическихъ свѣдѣній о предметѣ, несомнѣнно, что въ Бактрію изъ Кабулистана проникъ Александръ однимъ изъ переваловъ въ Гиндукушѣ между 69 — 70 градусами восточной долготы²⁾. Бессъ не могъ не знать, откуда идетъ на него македонская рать, и упустилъ случай задержать ея движеніе, занявъ и укрѣпивъ эти перевалы. Это было непростительною оплошностію съ его стороны. Но онъ и вообще показалъ себя болѣе искуснымъ заговорщикомъ, чѣмъ способнымъ военачальникомъ или честнымъ патриотомъ. Въмѣсто того, чтобы дѣйствовать, хвастливый Персъ только совѣщался, и то не иначе какъ пируя съ друзьями. Онъ и въ Бактріанѣ-то не рѣшался сразиться съ Македонцами, а толковалъ, что уйдетъ собирать войско въ Согдіану, противопоставивъ Александру вторженію туда непреодолимую преграду — воды рѣки Окса, а чтобы затруднить самое движеніе его къ Оксу не нашелъ ничего лучше какъ опустошить весь прилежащій къ Гиндукушу край, уничтожить всѣ имѣвшіеся тамъ запасы продовольствія. Послѣдствіемъ такого откладывающагося борьбы въ дальній ящикъ получилось то, что, когда македонскій герой сталъ подыматься на вершины Гиндукуша, войско бактрійское, въ числѣ семи или восьми тысячъ человекъ, коимъ располагалъ Бессъ, оставило его и разбрелось по домамъ, а самъ онъ, въ сопровожденіи Спитамена и Оксіарта, съ конницею согдійскою и съ кочевыми Даами, „пришедшими къ нему отъ береговъ Танаиса“ (Сыръ-Дарыи)—бѣжалъ за Оксъ, сжегъ суда, на которыхъ переправлялся черезъ рѣку, и укрылся въ Наутаку, что въ Согдіанѣ³⁾.

Походъ въ Гирканію былъ лишь эпизодомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ Александра на пространствахъ Западной Персіи. Походъ его въ За-

¹⁾ Аррианъ, III, 25, 5 — 8; 28, 1 — 4; Кв. Курцій, VI, 6, 16 — 18; VII, 3, 9 — 11; Діодоръ, XVII, 78, 81, 83.

²⁾ См. Кабулистанъ и Каопрістанъ *К. Риммера*, съ новыми дополненіями (С.-Пб. 1867), стр. 734—738.

³⁾ Аррианъ, III, 28, 8; Кв. Курцій, VII, 4, 13—17).

падный Туркестанъ, сказаніе о которомъ имѣемъ мы въ виду разоб-
раться и по возможности разъяснить, начался собственно со спускомъ
Македонцевъ съ высотъ Гиндукуша въ долину Аму-Дарьи.

Съ какими силами вступилъ Александръ въ эту долину—неизвѣстно
положительнымъ образомъ, а вслѣдствіе того не представляется и
возможности разсматривать его дѣйствія, принимая въ соображеніе
точную численность войска, которымъ онъ располагалъ ¹⁾.

Съ перевала черезъ Гиндукушъ спустился онъ, зимою 330—329
года, прямо въ Драпсаку. Вактрійскій городъ этотъ называется у
Страбона Дарапсомъ или Адрапсомъ ²⁾. По имени и мѣстоположенію,
это несомнѣнно нынѣшній Эндерабъ, селеніе у спуска съ Хавак-
скаго перевала на Гиндукушъ ³⁾. Здѣсь далъ Александръ войску своему
отдохнуть и оправиться, что было необходимо людямъ крайне-отошав-
шимъ и изнурившимся отъ безкормицы и холодовъ при 17-ти-днев-
номъ передвиженіи по засыпанному снѣгами Гиндукушу.

Изъ Драпсаки—сказываетъ Арріанъ (III, 29, 1)—„двинулся Але-
ксандръ на Аорнъ и Бактру, важнѣйшіе города Вактрійцевъ, и взявъ
ихъ съ перваго натиска, посадилъ гарнизонъ въ Аорнъ подъ на-
чальствомъ Архелая Андроклона, изъ гетерій. А какъ и остальные
города Вактрій легко признали власть его надъ собою, то, назначивъ
туда сатрапомъ перса Артабазу, повелъ войско къ Оксу, самой
большой изъ всѣхъ, кромѣ индѣйскихъ, рѣкъ въ Азіи, какія случа-
лось ему встрѣчать“. Гдѣ находилась Бактра—извѣстно: остатки ея
и теперь еще замѣтны въ окрестностяхъ бывшаго города, нынѣ се-
ленія, Балхъ ⁴⁾. Но что такое Аорнъ? Мѣстности, соотвѣтствующей

¹⁾ Несогласны между собою историки Александра даже относительно числен-
ности войска, съ какимъ выступилъ онъ въ походъ на Персію: по Аристовулу,
численность эта простиралась до 30,000 пѣхоты и 4,000 кавалеріи; по Птоломею
Лагову—до 30,000 пѣхоты и 5,000 кавалеріи; по Анаксимену—до 43,000 пѣхоты и
5,500 кавалеріи (*Scriptores rerum Alexandri Magni* въ изданіи *К. Мюллера*
Parisii, 1846), pp. 38, 87, 96—97). На основаніи весьма уважительныхъ расче-
товъ, *Герибергъ* (I. c., II, 127) полагаетъ, что по переходѣ черезъ Гиндукушъ,
вступилъ Александръ въ Вактріану, имѣя немного болѣе 22,000 пѣхоты и
3,000—4,000 кавалеріи.

²⁾ *Geographica*, кн. XI, гл. II, 2, и кн. XV, гл. 2, 10.

³⁾ Описаніе этого перевала проѣзжавшими имъ Вудомъ и Лордомъ см. въ
многихъ дополненіяхъ къ *Риттерову* Кабулистану, стр. 562—563.

⁴⁾ О развалинахъ около Балха см. у *Борнса* въ его Путешествіи въ Бу-
хару, въ французскомъ переводѣ (*Paris*, 1835), т. II, стр. 226; и у *Гродекова*-
«Черезъ Аоганистанъ» (С.-Пб. 1880), стр. 56.

нынѣ этому пункту, напрасно стали бы мы доискиваться, такъ какъ, при отсутствіи какихъ-либо указаній о томъ, гдѣ находилась эта твердыня, и самое имя ея Аорнъ—не собственное, а нарицательное, точно также какъ и „Петра“, которое не разъ встрѣтимъ далѣе. Другой Аорнъ, въ Кабулистанѣ, на берегу Инда, взялъ Александръ позже, на походѣ въ Индію ¹⁾. Аорнъ—это грецизированная форма слова аварана, которое у Бактрійцевъ, по всей вѣроятности, имѣло то же значеніе, какъ и у Индѣйцевъ, то-есть, „ограда“, „палисадъ“ ²⁾. Спѣша догнать Весса, Александръ долженъ былъ изъ Дрансаки на Бактру идти кратчайшимъ по возможности путемъ: потому Аорнъ едва ли находился вправо отъ его пути, и ужъ если непременно нужно приурочить его въ какому-нибудь пункту на этомъ пути, то такимъ пунктомъ представляется намъ скорѣе всего нынѣшній городокъ и фортъ Гори, о которомъ посѣтившіе его въ 1840 годахъ англійскіе офицеры свидѣтельствуютъ, что это одна изъ самыхъ неприступныхъ твердынь страны ³⁾.

И такъ Бактріана приобрѣтена была Александромъ почти безъ всякихъ усилій. Куда же дѣвалась прославленная доблесть Бактрійцевъ, почему на этотъ разъ оказались они такими податливыми относительно чужеземниковъ, вторгшихся въ ихъ родину? Много могло быть тому причинъ, намъ неизвѣстныхъ; одна же, бросающаяся въ глаза, это деморализація народонаселенія, произведенная Бессомъ. На всякое дѣло нуженъ предводитель, за которымъ бы шла масса, который бы увлекалъ ее; а тутъ предводитель, глава страны—бѣжалъ, непріятель же нахлынулъ прежде, чѣмъ успѣли сговориться, гдѣ и какъ противодѣйствовать ему.

Объ особыхъ трудностяхъ пути отъ Бактры къ Оксу, и лишеніяхъ, претерпѣнныхъ Македонцами на этомъ переходѣ, нѣтъ у Арріана ни слова. Квинтъ же Курцій (VII, 5, 18—19) рисуетъ страшную картину истомленія Александровыхъ воиновъ отъ зноя, движенія по раскаленнымъ пескамъ и жажды за отсутствіемъ хотя капли воды на протяженіи 400 стадій; выпито было все вино и даже масло, какое

¹⁾ Арріанъ, IV, 28, 1—3; Квинтъ Курцій, VIII, II.

²⁾ Вильсона: *Ariana Antiqua* (London, 1841), p. 192.

³⁾ Борлемъ, *A peep into Turkestan* (London, 1846), p. 161. По Герцбергу (I. с., II, 106) Аорнъ могъ соответствовать нынѣшнему Хульму (Ташкургану): это имѣетъ смыслъ; полагать-же, какъ Дройзенъ (I. с., 239), что Аорна надо искать въ нынѣшнемъ Кундузѣ, нѣтъ никакихъ основаній.

только нашлось въ обовѣ; а когда, наконецъ, добрались до рѣки, многіе опились до того что тутъ же умерли; и будто „погибло такимъ образомъ болѣе людей, чѣмъ въ какой-либо изъ Александровыхъ битвъ“. Это, конечно, риторическое преувеличеніе: иначе не съ чѣмъ было бы Александру и Согдіану идти завоевывать; но весьма возможно, что въ войскѣ Александровомъ дѣйствительно оказалось не малое число опившихся и заболѣвшихъ, частію же и совсѣмъ отправившихся на тотъ свѣтъ. Увидимъ далѣе, что то же повторится съ Александровымъ войскомъ еще разъ въ теченіе разсматриваемаго похода. Объ Александрѣ же сказываетъ Курцій, что онъ въ послѣдній день перехода не ѣлъ и не пилъ, даже латы не снималъ, и удалился отдохнуть тогда лишь, когда самыхъ отсталыхъ увидѣлъ уже добравшимися до мѣста. Ночь затѣмъ провелъ въ волненіи, не сомкнувъ глазъ. Не радостнѣе встрѣтилъ и утро, обнаружившее, что для переправы черезъ Оксъ не имѣлось ни судовъ, ни возможности построить моста, такъ какъ берега рѣки были голы и не представляли годнаго строительнаго матеріала ¹⁾).

На какой пунктъ Окса вышелъ Александръ, сдѣлавъ 400 стадій по безводнымъ пескамъ? Мы не знаемъ пункта, изъ котораго онъ выступилъ, потому указаніе продолжительности перехода не можетъ служить къ разъясненію предложеннаго вопроса. По всей вѣроятности выступилъ онъ изъ Бактры, и не пролагалъ какого-либо новаго пути, а шелъ обычною дорогою къ ближайшей переправѣ черезъ Оксъ, той переправѣ, гдѣ переплылъ рѣку и Бессъ. Такихъ, близкихъ отъ Бактры переправъ черезъ Оксъ было, вѣроятно, въ древности, какъ и теперь, двѣ: ближайшая—у нынѣшняго Чушка-Гузара; наиболѣе обычная—у нынѣшняго Келифа. И съ той и съ другой переправы идутъ дороги къ Самарканду, куда, какъ увидимъ, направился Александръ, перебравшись черезъ Оксъ.

Но какъ же онъ переправился, когда, повидимому, не представлялось никакихъ къ тому средствъ? „Шириною являлась рѣка болѣе 6 стадій—сказываетъ Арріанъ (III, 29, 3)—при большой глубинѣ и песчаномъ днѣ; а теченіе было до того быстро, что все что втыкали въ мелкихъ мѣстахъ, не могло удержаться въ рыхломъ пескѣ и тотчасъ вырывалось и уносилось водою“. Какъ же поступилъ, въ такихъ обстоятельствахъ, гениальный Македонецъ? „Приказалъ онъ“—читаемъ у Арріана (III, 29, 4)—„собрать кожаные наметы съ солдатскихъ

¹⁾ Квинтъ Курцій, VII, 5, 19.

палатокъ завернувъ въ нихъ самага сухаго хворосту, и сшить ихъ тщательно, такъ чтобы не могла проникнуть въ нихъ вода: на такихъ-то мѣшкахъ и переправилъ войско въ теченіе пяти дней*. Легко сказать „сшить кожи такъ, чтобы не могла пройти въ нихъ вода“, а сдѣлать это куда не легко: Александръ, вѣдь, не предполагалъ надобности въ подобной переправѣ, слѣдовательно и не готовился къ ней: какимъ же чудомъ нашлись вдругъ въ его обозѣ, въ потребномъ количествѣ, необходимыя для такой операціи дратва и иглы или шила? Явно, что Арріанъ не поналъ своихъ источниковъ, не постарался отдать себѣ отчета, какъ могло произойти описываемое имъ дѣло, и оттого представилъ его въ невозможномъ видѣ. Квинтъ Курцій тутъ толковѣе: по его словамъ, переправа совершена была „на кожаныхъ мѣхахъ (utres), набитыхъ соломой“, то-есть, на турсукахъ, въ какихъ возятъ вино и воду при движеніи въ жары по безводнымъ мѣстамъ. Это — исторія другаго рода: на такихъ турсукахъ, надувъ ихъ воздухомъ или набивъ соломой, можно плыть какъ на пузыряхъ. На такихъ турсукахъ, связанныхъ между собою и обращенныхъ въ плотъ помощію помоста изъ фашинь, въ нѣкоторыхъ странахъ Азіи не только переправляются черезъ весьма бурныя и широкія рѣки, но и совершаютъ по нимъ плаваніе. Объ этомъ Александръ могъ узнать отъ вожаковъ своихъ елибѣ уже самъ не испыталъ такого рода переправы — черезъ Дунай, во время похода на Гетовъ: Описаннымъ у Курція способомъ и предпринята была переправа черезъ Оксъ, такъ какъ турсуки имѣлись несомнѣнно въ обозѣ Македонцевъ, ибо безъ турсуковъ съ водою не могли бы они сдѣлать и одного перехода по раскаленнымъ зноемъ и безводнымъ пескамъ, какіе встрѣчались имъ на пути по многимъ пространствамъ западной, южной и восточной Персіи.

Уходя изъ Бактріаны въ Согдіану, Александръ, по словамъ Курція (VII, 5, 19), оставилъ въ первой весь излишній багажъ и всѣ тяжести, такъ что выступилъ совершенно на, легкѣ. Тѣмъ менѣе препятствій представлялось ему къ переправѣ черезъ Оксъ. У Арріана-же читаемъ (III, 29, 5), что передъ переправою принялъ онъ другую мѣру къ облегченію движенія своего — отпустилъ домой изъ Македонянъ и ессалійскихъ добровольцевъ всѣхъ тѣхъ, которые не годились уже для боя, ослабленные лѣтами или ранами. По Курцію (VII, 5, 20), мѣра эта принята была уже послѣ перехода черезъ Оксъ, причѣмъ отпущеннымъ, въ числѣ около 900 человекъ, дано было въ награду по два таланта на каждаго всадника и по 3,000 динаріевъ на каждаго

пѣхотница, со внушеніемъ, чтобы, по возвращеніи домой, озаботились „народить дѣтей“. Переправа черезъ Оксъ продолжалась по Курцію не пять, а шесть дней. И Бессъ не воспользовался случаемъ, если не совершенно воспрепятствовать переправѣ, то, по крайней мѣрѣ, нанести переправлявшимся всевозможный вредъ! А это было такъ легко для него, даже при небольшомъ числѣ войска, въ виду того затруднительнаго способа переправы, къ которому пришлось по необходимости прибѣгнуть Александру.

Въ такомъ возмутительно-малодушномъ поведеніи Бесса, а не въ какихъ-либо другихъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать причину того, какъ поступили съ нимъ товарищи его бѣгства изъ Бактріаны, Спитаменъ и Датаферпъ. Они арестовали его, не заключая однако же въ оковы, и извѣстили Александра, что выдадутъ ему арестанта, если онъ, Александръ, пришлетъ за этимъ кого-либо изъ своихъ вождей съ нѣкоторымъ числомъ войска. Вслѣдствіе такой неожиданной новости, полученной имъ повидимому тотчасъ послѣ переправы черезъ Оксъ, Александръ послалъ впередъ, къ Спитамену и Датаферпу, Птоломея Лагова съ тремя конными полками (ἵππαρχία) изъ гетеріи и со всѣми имѣвшимися конными копѣйщиками, придавъ изъ пѣхоты Филотовъ полкъ (τάξις), тысячу человекъ щитоносцевъ, всѣхъ Агріанцевъ и половину стрѣлковъ; самъ-же, не спѣша, двинулся вслѣдъ за этимъ отрядомъ. Какою дорогою? Судя по тому, что Бессъ укрылся въ Наутаку, Александръ-же направлялся именно на Бесса, слѣдуетъ полагать, что и его путь лежалъ на Наутаку. Такъ назывался, по мнѣнію однихъ, средневѣкой Кешъ, по мнѣнію другихъ—нынѣшній Карши ¹⁾. Мы не присоединяемся ни къ тому, ни къ другому мнѣнію, находя что Наутака не есть названіе города, а имя цѣлаго края, именно края на югъ отъ Шегрисебза вплоть до Аму-Дарьи ²⁾. Что касается до Птоломея, онъ, сдѣлавъ десять переходовъ въ четверо сутокъ, прибылъ на мѣсто, гдѣ наканунѣ находился

¹⁾ Изъ новыхъ историковъ Александра, къ Карши приурочиваетъ Наутаку Дройзенъ (I. с., р. 239), къ Кешу (то-есть, Шегрисебзу)—Герцбертъ (I. с., II, 114). Последняго мнѣнія держится и новѣйшій изслѣдователь Согдіаны, Томашекъ. Въ настоящее время нѣтъ ни города Кеша, ни города Шегрисебза: Шегрисебзомъ называется цѣлое владѣніе съ двумя въ немъ городами: Китабошъ и Шаромъ. Последній, по всей вѣроятности, и есть Кешъ средневѣковой географіи.

²⁾ Слѣдовательно, съ переправы у Келлеа или Чушка-Гузвара, могъ Александръ, смотря по мѣстопребыванію Бесса въ Наутаку, направиться или на Карши, или на Ширабадъ.

лагерь Спитаменовъ, но тутъ узналъ, что Спитаменъ и Датафернъ не порѣшили еще относительно выдачи Бесса: сторонникамъ Спитамена выдача эта показалась дѣломъ постыднымъ, и они ушли изъ того мѣстечка, гдѣ находился Бессъ, оставивъ его тамъ съ немногими воинами. Мѣстечко это обведено было стѣною съ воротами. Птоломей, приказавъ пѣхотѣ своей слѣдовать за нимъ въ боевомъ порядкѣ, самъ съ одною конницею поспѣшилъ къ означенному мѣстечку, и окруживъ его, потребовалъ отъ жителей, чтобы они выдали Бесса, съ общаніемъ, что въ такомъ случаѣ не причинитъ имъ никакого вреда. Тѣ впустили Птолемея въ ворота, и онъ, захвативъ Бесса, повезъ его къ Александру.

Такъ, со словъ самого Птолемея, повѣствуетъ о происшествіи Арріанъ (III, 29, 6—7 и 30, 1—2), присовокупляя, что по Аристову дѣло было нѣсколько иначе, то-есть, что Бессъ взятъ былъ не Птоломеемъ, а привели къ нему Бесса, нагаго и связаннаго, сторонники Спитамена и Датаферна. У Кв. Курція (VII, 5, 20) исторія арестованія и выдачи Бесса разказана съ гораздо большими подробностями, частію невѣроятными. Сущность его разказа заключается въ томъ, что Спитаменъ и соумышленники его, Датафернъ и Катенъ, сговорились захватить Бесса въ тѣхъ видахъ, чтобы, выдавъ его Александру, приобрести такимъ поступкомъ милость послѣдняго, и, захвативъ, сами повезли къ нему Бесса.

Какъ же принялъ Александръ этого врага своего, которого считалъ вначалѣ столь опаснымъ, и который оказался такою презрѣнною ничтожностью?

По разказу Птолемея, передаваемому Арріаномъ (III, 30, 3—5), военачальникъ этотъ, завладѣвъ Бессомъ, послалъ спросить Александра, въ какомъ видѣ долженъ онъ представить ему плѣнника? Тотъ приказалъ привести его голаго, въ оковахъ, съ цѣпью на шеѣ, и поставить по правую сторону дороги, которою предстояло слѣдовать самому Александру съ войскомъ. Увидя поставленнаго такимъ образомъ Бесса, Александръ остановилъ свою колесницу, и обратясь къ плѣннику, спросилъ: „ради чего онъ царя Дарія, родственника (?) своего и благодѣтеля, захватилъ, везъ въ оковахъ и наконецъ убилъ?“ На это Бессъ отвѣчалъ „что такъ поступлено было не по одного его мысли, а по мысли всѣхъ находившихся тогда при Даріѣ, чтобы снискать себѣ тѣмъ у него, Александра, сохраненіе собственной жизни“. Тогда Александръ приказалъ высѣчь Бесса, и объявить че-

резъ глашатая за какую вину онъ этому подвергнутъ. Вслѣдъ затѣмъ былъ Бессъ отосланъ въ Бактру, для совершенія надъ нимъ смертной казни.

У Квинта Курція разказъ объ этомъ опять размазанъ, со вставкою рѣчей, которыя едва ли могли быть произнесены. По его разказу (VII, V, 22), Бесса, нагаго, съ цѣпью на шеѣ, привелъ къ Александру, когда—этотъ послѣдній находился уже около Яксарта, самъ Спитаменъ, говоря: „Мститель за тебя и за Дарія, царей моихъ, привожу къ тебѣ убійцу своего государя, овладѣвъ имъ такимъ же способомъ, какому самъ онъ подалъ примѣръ. О еслибы Дарій могъ открыть глаза и насладиться этимъ зрѣлищемъ! Еслибы могъ возстать изъ мертвыхъ онъ, незаслужившій участи, которая его постигла, и вполне достойный доставляемаго ему теперь мною утѣшенія!“ Александръ, воздавъ Спитамену за этотъ поступокъ его многія похвалы, обратился затѣмъ—продолжаетъ Курцій—къ Бессу, спрашивая „что за дикое бѣшенство побудило тебя заключить въ оковы и потомъ убить царя къ тебѣ столь благоволившаго? Не изъ-за того ли совершилъ ты столь страшное злодѣяніе (собственно „отцеубійство“), чтобы украситься похищеннымъ тобою царскимъ титуломъ?“ На это Бессъ, не дерзая отрицать совершеннаго имъ преступленія, оправдывался тѣмъ, что „похитилъ онъ царскій титулъ съ тѣмъ намѣреніемъ чтобы, пользуясь имъ, могъ передать царство свое Александру, и что еслибы не онъ это сдѣлалъ, то царскимъ вѣнцомъ овладѣлъ кто-либо другой“. Тогда Александръ, велѣвъ приблизиться Оксатру, брату Дарія, принятому имъ въ число своихъ тѣлохранителей, выдалъ ему Бесса, съ тѣмъ чтобы распять послѣдняго на крестѣ, съ отрѣзанными носомъ и ушами, и въ заключеніе пристрѣлать стрѣлами. Послѣ этого всѣмъ приведшимъ Бесса розданы были дары; но затѣмъ казнь его отсрочена, съ тѣмъ чтобы совершить ее на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Дарій.

Относительно Бессова отвѣта на укоры Александра замѣтимъ, что говорилъ ли онъ то, что приписываетъ ему Арріанъ, или то, что вставляетъ въ уста ему Кв. Курцій, или наконецъ, ни того, ни другаго не говорилъ, настоящей причины почему арестованъ былъ Дарій сказать онъ не могъ, такъ-какъ она усугубила бы вину его передъ Александромъ. Что же касается до римски обточенныхъ фразъ, приписываемыхъ Спитамену при представленіи имъ Бесса Александру, то фразы эти совершенно несовѣстны съ благороднымъ характеромъ

Спитамена, котораго Ев. Курцій не понималъ ¹⁾, не говоря уже о томъ, что и самый фактъ привода Спитаменомъ Бесса къ Александру—выдуманъ, такъ-какъ, судя по болѣе правдивому разказу Арріана, Спитаменъ вовсе не являлся въ лагерь къ Александру, а бросивъ Бесса съ приближеніемъ Птолемея, отправился вглубь Согдіаны устраивать тамъ противу приближавшихся Македонцевъ возстанія, руководить которыми недоставало духа у Бесса.

Отославъ Бесса въ Бактру, и ремонтировавъ кавалерію свою приобрѣтенными на пути по краю лошадьми, такъ-какъ большее число ихъ пало при переходѣ черезъ Кавказъ (Гиндукушъ) и при движеніи къ Оксу и отъ Окса, Александръ, по словамъ Арріана (III, 20, 6), двинулся къ Маракандѣ, столицѣ земли Согдійской, а оттуда направился къ Танаису (Яксарту, Сыръ-Дарѣ). Изъ послѣдующаго его повѣствованія видно, что въ Маракандѣ оставленъ былъ греческій гарнизонъ; но сдался ли этотъ, столь важный, городъ добровольно, взятъ ли онъ былъ силою, нѣтъ о томъ у Арріана ни слова. Чтò находимъ объ этомъ у Курція, изложено будетъ ниже; здѣсь же замѣтимъ, что у этого писателя встрѣчается (VII, 5, 21) весьма обстоятельный разказъ о томъ, какъ на пути отъ Окса къ Танаису, до или послѣ захвата Бесса, попался Македонцамъ маленькій городокъ, населенный Вранхидами, потомками тѣхъ милетскихъ Вранхидовъ, которые выселены были сюда Ксерксомъ, послѣ того какъ на обратномъ пути его изъ Греціи, выдали ему сокровища Аполлонова храма въ Дидимѣ, которыми завѣдывали; выселены, по собственной ихъ просьбѣ, чтобы избавиться отъ мести Грековъ за такой ихъ поступокъ. Эти милетскіе выходцы—сказываетъ Курцій—соблюдали еще обычай отдаленной родины, но говорили уже на языкѣ изъ смѣси греческаго съ туземнымъ. Встрѣтили они Александра съ радостію, предавая ему себя и свой городокъ. По этому случаю, онъ созвалъ Милетцевъ, служившихъ въ его войскѣ, и предоставилъ имъ рѣшить участь Вранхидовъ (Милетцы питали страшную ненависть къ Вранхидамъ); а когда мнѣнія ихъ раздѣлились, то объявилъ, что самъ рѣшитъ эту участь, и на слѣдующій день, взявъ съ собою Милетцевъ, вошелъ въ городокъ, и велѣлъ вырѣзать всѣхъ его жителей до послѣдняго; мало того: срыты были самыя стѣны городка, такъ что слѣ-

¹⁾ Потому что слѣпо раздѣлялъ взглядъ Александра, который, вообразивъ себя, со смертію Дарія, законнымъ государемъ Персіи, всякое сопротивленіе его оружію со стороны бывшихъ подданныхъ Дарія считалъ преступленіемъ.

довъ его не осталось, и уничтожены до тла даже священныя около него рощи. Самъ Курцій не можетъ удержаться отъ негодованія, разказывая объ этомъ варварствѣ противъ совершенно-невинныхъ людей. И мы нисколько не сомнѣваемся, чтобы великій Александръ не былъ способенъ на такое варварство: слишкомъ много имѣется доказательствъ, что человѣчности въ немъ было не болѣе чѣмъ у Чингисъ-Хана или Тамерлана. Но — имѣлъ ли мѣсто самый фактъ, о которомъ повѣствуетъ Курцій? Мы думаемъ, что потомки Бранхидовъ, встрѣченныя въ Согдіанѣ, не болѣе дѣйствительны чѣмъ Прометеева пещера, встрѣченная тѣми же Македонцами въ горахъ Гиндукуша, чѣмъ царица Амазонская Оалестра, якобы являвшаяся къ Александру въ Гирканіи. Что Александръ велѣлъ вырѣзать жителей каковаго нибудь городка на пути его отъ Окса къ Яксарту, за какую-либо ихъ противъ него провинность, и затѣмъ срыть самый городокъ, это какъ нельзя болѣе вѣроятно; но чтобы это былъ именно городокъ Бранхидовъ — болѣе нежели сомнительно, хотя мы и не знаемъ повода, по которому приплетены они къ разоренному въ Согдіанѣ городку.

До сихъ поръ походъ Александра по Согдіанѣ представляется торжественнымъ шествіемъ безо всякихъ препятствій. Не видимъ ни одного случая, чтобы до Мараканды туземцы встрѣтили гдѣ-нибудь Македонянъ съ оружіемъ въ рукахъ. Не оказала по видимому сопротивленія и эта столица страны, какъ не оказала его и столица Бактріаны. И вотъ Александръ смѣло идетъ изъ Мараканды уже къ берегамъ далекаго Яксарта, о которомъ Греки имѣли такое смутное представленіе, что смѣшивали его съ Танаисомъ (Дономъ) въ Европѣ; идетъ, быть можетъ, потому только, что до этихъ далекихъ водъ доходилъ до него одинъ Киръ персидскій; а ему, Александру, слѣдовало совершить всѣ тѣ подвиги, какіе до него совершены были кѣмъ-либо изъ извѣстныхъ Грекамъ героевъ, начиная съ Вакха и Геркулеса ¹⁾. На этомъ пути къ Яксарту онъ впервые сталкивается враждебно съ туземцами. Случилось это такимъ образомъ: нѣкоторые изъ Македонцевъ, фуражпруя, зашли далеко отъ лагеря; на этой фу-

¹⁾ Такого именно рода побужденіями, въ духъ своего времени, руководился Александръ во многихъ изъ своихъ дѣйствій, а вовсе не тѣми видами и соображеніями, какіе заставляютъ его имѣть историки новаго времени, переносящіе въ древность идеи и стимулы своего вѣка. Такой взглядъ на Александра имѣлъ и высказывалъ неоднократно еще Страбонъ.

ражировѣ, не обошедшейся, по всей вѣроятности, безъ насилія туземцамъ, эти послѣдніе перебили фуражировъ, и опасаясь возмездія, укрылись на высокія горы, находившіяся, должно полагать, по соседству съ ними. Такихъ бѣглецовъ было, по Арріану, 30,000. Александръ не считъ выгоднымъ оставить поступокъ ихъ безъ наказанія и тотчасъ же отправился для этого съ отрядомъ изъ самыхъ легкихъ войскъ. Нѣсколько разъ взбирались Македоняне на горы, но туземцы смѣло поражали ихъ, и, ранивъ многихъ, заставляли отступать. Самъ Александръ раненъ былъ стрѣлою въ голень. Тѣмъ не менѣе, возвышенія взяты были наконецъ, и большая часть укрывшихся на нихъ туземцевъ перебита Македонцами или погибла бросаясь со скалъ, такъ что изъ 30,000 спаслось всего не болѣе 8.000. Такъ повѣствуетъ Арріанъ объ этомъ образчикѣ Александровой гуманности (III, 30, 10—11): за нѣсколько челонѣкъ убитыхъ фуражировъ поплатилось жизнію около 22,000 туземцевъ. Объ этомъ же случаѣ разсказываетъ съ нѣкоторыми вариантами и Кв. Курцій. Въ его редакціи, туземцевъ или, какъ выражается онъ, разбойниковъ, ушедшихъ въ горы было 20,000, и Александръ не истребилъ ихъ, а простилъ, когда они прислали къ нему депутатовъ съ повинною, и принявъ ихъ въ подданство, только отобралъ захваченныхъ ими на фуражировѣ Македонцевъ. Но событіе это произошло, по римскому историку, не на пути отъ Мараканды къ Танансу, а за четыре дня пути, не доходя еще до Мараканды. Эти четыре дня раненнаго Александра несли войны его на носилкахъ. О Маракандѣ сообщаетъ Курцій, что стѣна ее окружавшая имѣла 70 стадій протяженія, но кремль городской стѣнами не защищался. О какомъ-либо сопротивленіи со стороны жителей при занятіи Мараканды Александромъ Кв. Курцій не упоминаетъ; онъ замѣчаетъ только, что въ городѣ этомъ оставленъ былъ гарнизонъ, а сосѣднія селенія разграблены и сожжены¹⁾, за какія вины, остается необъясненнымъ — вѣроятно также за какое нибудь сопротивленіе его фуражирамъ: всякое противодѣйствіе себѣ въ завоевываемой странѣ считалъ Александръ, какъ считалъ это и Тамерланъ, противодѣйствіемъ вождѣ Божества, требовавшимъ примѣрнаго наказанія: не даромъ же приписывалъ онъ себѣ божественное происхожденіе и принималъ божескія почести.

За исключеніемъ изложенной стычки съ горцами неподалеку отъ Мараканды, до береговъ Яксарта (Сира) достигъ Александръ по ви-

¹⁾ Евпатъ Курцій, VII, 6, 23—24.

димому безпрепятственно. На какой пунктъ Сыра онъ вышелъ и какою дорогою дошелъ туда отъ Мараканды, никакихъ указаній на то не находимъ, какъ не находится ихъ и относительно линіи его пути отъ Окса до Мараканды. Одно можно сказать по этому предмету — что, по всей вѣроятности, путь Александра отъ Мараканды къ Яксарту шелъ тѣми же мѣстами, какими пролегаетъ и нынѣшняя дорога отъ Самарканда къ Ходженду и въ Ферганскую область, почему естественно предположить, что около нынѣшняго же Ходженда увидѣлъ впервые воды Яксарта и нашъ знаменитый Македонецъ.

По прибытіи уже на Яксартъ или еще не доходя до него, встрѣченъ былъ Александръ посольствами къ нему отъ Скиновъ: какъ отъ тѣхъ Скиновъ — старается объяснить читателямъ своимъ Арріанъ (IV, I, 1—1), — которые зовутся Абіями и живутъ въ Азіи, такъ и отъ Скиновъ европейскихъ (то-есть, черноморскихъ). Затѣмъ явились оба посольства, Арріанъ не говоритъ. По Квинту Курцію, Абія, независимые со смерти Кира (но гдѣ же читалъ Курцій, что какой-либо изъ скинскихъ народовъ былъ покоренъ Киромъ?), явились предложить свое подданство Александру. Что кочевники, на дѣлѣ нетерпящіе надъ собою никакой чуждой власти, очень охочи предлагать свое подданство, это извѣстно ¹⁾. Потому, весьма можетъ быть, что прослышавъ о приближеніи къ Яксарту такого грознаго завоевателя какъ Александръ, какой-нибудь изъ ближайшихъ къ этой рѣкѣ Скинскихъ народовъ и напелъ безвыгоднымъ отправить къ нему пословъ съ предложеніемъ покорности, а можетъ быть и съ цѣлю разувязать поближе о силахъ и намѣреніяхъ македонскаго героя; но чтобы это были тѣ именно Абія, которыхъ прославлялъ еще Гомеръ — едва ли, хотя Абія являются на сѣверѣ Азіи и у Птолемея, во II вѣкѣ по Р. Х., являются, впрочемъ, быть можетъ, тоже лишь по старой памяти. Въ отвѣтъ на посольство европейскихъ Скиновъ, Александръ, по Арріану, тоже отправилъ къ нимъ пословъ, какъ знакъ дружбы по наружности, собственно же съ тою цѣлю, чтобы послы его познакомились съ мѣстностями Скинской страны, численностію ея обитателей, ихъ обычаями и вооруженіемъ. Квинтъ Курцій о посольствѣ къ Александру отъ европейскихъ Скиновъ не упоминающій, говоритъ тѣмъ не менѣе (VII, 6, 24), что Александръ отправилъ къ

¹⁾ Разъяснено въ трудѣ моемъ: *Die Nomaden als Nachbarn und Eroberer civilisirten Staaten* (St.-Petersburg, 1875), S. 59.

нимъ посломъ Пениду, одного изъ гетеріи, съ приказаніемъ чтобы они не переходили Танаиса безъ его разрѣшенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ далъ ему и порученіе о которомъ читаемъ у Арріана. У обоихъ историковъ видимъ тутъ *qui pro quo*, источникомъ котораго является смѣшеніе ими Танаиса азіатскаго, то-есть, Сыр-Дарья, съ Танаисомъ европейскимъ, то-есть, съ Дономъ. Какаа стать была Александру удерживать европейскихъ Скиновъ отъ перехода черезъ Донъ? Нужно ему было, дѣйствительно, чтобы не переходили изъ за Сыр-Дарья обитающіе за нею Скины, то-есть, чтобы они не приходили на помощь Согдійцамъ противъ него, о чемъ давно уже шли съ ними переговоры у Бесса: вотъ онъ и отправилъ посла къ этимъ засырскимъ (а не европейскимъ) Скинамъ, поторговаться на счетъ означеннаго предмета, да, вмѣстѣ съ тѣмъ, и высмотрѣть, на случай войны съ этими кочевниками, какова страна ихъ и какъ они тамъ живутъ и каковы ихъ военныя средства. Историки-же прочли въ своихъ источникахъ о посылкѣ посла къ Скинамъ за Танаисъ, да и рѣшили, что это было посольство къ европейскимъ Скинамъ.

За разказомъ о посольствахъ отъ Скиновъ и къ Скинамъ, въ обоихъ нашихъ источникахъ слѣдуетъ рѣчь о томъ, что Александръ задумалъ построить на Танаисѣ (Сырѣ) городъ, который, увѣковѣчивая память о пребываніи его въ этихъ мѣстахъ, служилъ бы пунктомъ, изъ котораго удобно было предпринять походъ противъ Скиновъ, еслибы это понадобилось, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оплотомъ покореннаго имъ края противъ вторженій варянскихъ „варваровъ“ ¹⁾. Замѣтимъ здѣсь, что „варварами“ зоветъ Арріанъ, конечно, по примѣру спутниковъ Александровыхъ, осѣдлыхъ туземцевъ. Слѣдовательно, если говорить онъ о варварахъ по ту сторону Сыра, значитъ правое побережье этой рѣки имѣло, въ Александрово время, осѣдлое населеніе, по крайней мѣрѣ на протяженіи бывшей Ташкини.

Исполненіе означеннаго намѣренія пришлось однакоже Александру отложить на время. Мечты его прерваны были неожиданно извѣстіемъ что туземное населеніе вокругъ него—возстало. „Варвары смежные съ рѣкою захватили и перебили македонскіе гарнизоны въ скинскихъ городахъ и стали города тѣ укрѣплять. Къ отпаденію этому приложились и многіе изъ Согдійцевъ, подвигнутые къ тому лицамп, захватившими Бесса, которые привлекли на сторону свою и часть Бактрійцевъ“. Въ такихъ короткихъ и неясныхъ словахъ говорить Ар-

¹⁾ Арріанъ, IV, 1, 3.

ріанъ (IV, 1, 4—5) о возстаніи, охватившемъ со всѣхъ сторонъ побѣдоносное доселѣ македонское войско, и поставившемъ его въ крайнюю опасность не только потерять плоды всѣхъ предшествовавшихъ битвъ, но и погибнуть безъ славы вдали отъ родины. До сихъ поръ ничего подобнаго не случалось съ македонскомъ завоевателемъ на всемъ пути его изъ Греціи до Яксарта. Чтò покорялось ему въ Западной Азіи, то уже не возставало; а тутъ, послѣ триумфальнаго шествія отъ самаго Гиндукуша, не прерывавшагося ни единою битвою, когда, казалось, народонаселеніе подчинилось власти такъ легко, такъ безропотно — и вдругъ онъ отовсюду окруженъ врагами, отрѣзанный ото всякой помощи, которая могли бы придти на выручку. Не такой духъ оказывался господствующимъ въ Туранѣ, съ какимъ привыкъ онъ имѣть дѣло въ Иранѣ. Если Дарій не умѣлъ отстоять отъ него своего царства, если презрѣннымъ трусомъ оказался Бессъ, за то здѣсь, въ Туранѣ, нашлись сердца которыя не могли примириться съ чувствомъ покорности чужеземцу, нашлись руки, которыя взялись за дѣло народной мести пезванымъ пришлецамъ ¹⁾. Историки Александра

¹⁾ Вотъ чтò по этому предмету читаемъ у Герцберга (I. c. II, 125): «Der Schrecken, der vor Alexander herging, die Schnelligkeit seiner Bewegungen, dazu die Unfähigkeit Bessos und der Verrath seiner Generale (разумѣются Спитаменъ и Датаернъ) hatten Sogdiana wie Baktrien leicht in die Hand der Makedonen gegeben. Allein in diesem Lande war das Volk noch roher und kräftiger, als in den übrigen Arischen Gebieten. Hier lebte noch ungebrochen bei dem mächtigen Adel wie bei einem grossen Theile des Volkes eine wilde Freiheitsliebe, ein trotziges asiatisches Nationalgefühl. Seit Jahrhunderten hatte man hier keinen anderen Feind im Lande gesehen, als etwa die wilden turanischen Räuber, und diesen fühlte man sich doch weit weniger fremd, als den stolzen Griechen und Makedonen, die jetzt mit einem Male die Herren in Land spielten. Und nun können wir kaum bezweifeln, dass die Truppen Alexanders, die im Laufe dieses Krieges immer mehr verwildert waren, diese Länder mit allem Uebermuth der Sieger und mit jenem belcidigenden Hochmuth einer höheren Race behandelt haben werden, den noch heute die Europäer in Orient leider so oft an den Tag legen. Das schreckliche Schicksal der Branhiden wird schwerlich dahin gewirkt haben, die Gemüther der Sogdirner zu beruhigen. Dazu kam endlich dass Spitamenes und seine Genossen sich der gährenden Bevölkerung als natürliche Führer darboten. Все это совершенно вѣрно. Но странно, какъ, при такомъ пониманіи тогдашнихъ обстоятельствъ, Герцбергъ вполне вѣрять Курцію, и глядѣть на Спитамена и его сообщниковъ глазами этого историка: вѣрять, что Спитаменъ съ Датаерномъ и Катеномъ сами, своими руками, выдали Бесса Александру, были имъ за то щедро награждены, и остались у него на службѣ, а когда вспыхнуло возстаніе въ Согдіанѣ, «назначили» ему (I. c. II, 118): Wir wissen nicht—говорить онъ—was jene Männer neuerdings gegen Alexander erbittert hatte (I. c. II, 125). Какое тутъ neuerdings, когда они

не называютъ вспыхнувшего въ Согдіанѣ возстанія иначе какъ „бунтомъ“, „измѣною“; но это черезъ чуръ прусскій взглядъ на дѣло. Нахлынула волна на человѣка—онъ нагнулся; волна перекатилась—онъ не захлебнулся и опять поднялъ голову: значить бунтовщикъ, онъ обязанъ былъ утонуть.— Затѣмъ, о какихъ это „скинскихъ“ городахъ по берегамъ Сыра, занятыхъ македонскими гарнизонами, говоритъ Арріанъ? О занятіи этихъ городовъ Македонцами не было у него, предварительно, рѣчи. Но какъ истребленіе гарнизоновъ этихъ возставшими туземцами — фактъ, то слѣдуетъ, что въ изложеніи дѣйствій Александровыхъ отъ занятія Мараканды до намѣренія строить Александрію на Яксартѣ сдѣланъ Арріаномъ важный пропускъ — оставлены безъ вниманія сказанія Александровыхъ спутниковъ о покореніи имъ областей и городовъ по Сыру и около пути отъ Мараканды къ этой рѣкѣ. Далѣе—рѣчь идетъ явно о городахъ по лѣвому берегу Сыра, такъ какъ Александръ не переправлялся еще черезъ рѣку: какіе же на этомъ, лѣвомъ берегу могли быть „скинскіе“ города, когда Скины, по всѣмъ о нихъ сказаніямъ древности, вели жизнь кочевую и городовъ не имѣли? Да и по Арріану видимъ, что македонскіе гарнизоны въ этихъ городахъ избиты были не Скинами, а „ближайшими къ рѣкѣ варварами“, то-есть осѣдлыми туземцами. Если прилагательное „скинскими“ не описка тутъ у Арріана, то затрудненіе можно устранить предположеніемъ, что „скинскими“ названы у Арріана возставшіе города потому, что они платили дань зарѣчнымъ Скинамъ, обезпечивая себя тѣмъ отъ ихъ грабительскихъ вторженій — обстоятельство весьма возможное и допустимое тѣмъ скорѣе, что подобнаго рода отношенія существовали на берегахъ того же Сыра между осѣдлыми его обитателями и зарѣчными тюркскими колынами, какъ извѣстно, въ X столѣтіи, а по всей вѣроятности, и позже, и ранѣе этого времени. Но кто же были тѣ „ближайшіе къ рѣкѣ варвары“, которые вырѣзали македонскіе гарнизоны? Вопросъ этотъ могъ бы показаться празднымъ, еслибы не слѣдующая фраза Арріана, что къ возстанію приложились и „многіе изъ Согдійцевъ“: значить онъ отличаетъ Согдійцевъ отъ означенныхъ

съ начала и до конца являются открытыми врагами Александру, и никогда съ нимъ не мирились какъ съ виновникомъ порабощенія ихъ отечества. Повитно, что риторы времени Римской имперіи могли казаться злодѣями всѣ не превладившіеся передъ Александромъ, но непонятно это со стороны историка нашего времени.

„возстаншихъ варваровъ“, значить, были это не Согдійцы, а какой-либо другой народъ. Весьма возможно и это обстоятельство, хотя изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ писателей древности узнаемъ объ немъ отъ одного только Арріана, да и то мимоходомъ. Согдійцы, я думаю, имя хорографическое, а не этнографическое, и значило „жители Согды“, какъ называлась въ древности и въ средніе вѣка долина рѣки Зерафшана; а лѣвое побережье Сыра, не только въ низовьяхъ этой рѣки, но и по среднему ея теченію, ничего общаго съ Согдомъ не имѣетъ и даже политически никогда къ нему не причислялось, почему и обитатели этого побережья, можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, родственные Согдійцамъ по крови и языку, тѣмъ не менѣе имени этого не носили, а звались какъ-нибудь иначе, и Арріанъ правъ, отличая ихъ отъ Согдійцевъ.

О виновникахъ возстанія историкъ этотъ говоритъ глухо, что это были тѣ же лица, которыя арестовали Бесса. Кв. Курцій (VII, 6, 25) поименовываетъ ихъ: Спитаменъ и Катенъ; но по этому случаю опять разказываетъ невѣроятную и несообразную съ обстоятельствами исторію объ измѣнническомъ будто бы въ отношеніи къ Александру поведеніи обоихъ. Поводомъ къ соединенію Бактрійцевъ съ возставшими Согдійцами называетъ Арріанъ (III, 4, 9) распоряженіе Александра (съ какою цѣлю сдѣланное—остается неизвѣстнымъ) „чтобы эпархи Бактрійской области собрались въ наибольшемъ той страны городѣ Заріаспѣ, каковой созывъ, по мнѣнію этихъ эпарховъ, добра имъ не обѣщавъ, то-есть мѣстная аристократія бактрійская опасалась какого-нибудь коварства со стороны Александра, и потому предпочла предупредить его замыслы, присоединившись къ возстанію въ Согдіанѣ. Ядро возстанія составляли, по Курцію (I. с.), 7,000 всадниковъ, къ которымъ примыкало и остальное народонаселеніе.

Посмотримъ теперь, какъ управился Александръ съ трудностями своего положенія. Въ семи городахъ укрѣпились возставшіе туземцы, по словамъ Арріана (IV, 2, 1—4), и главнымъ изъ этихъ городовъ называетъ онъ Кирополь, куда стеклось наибольшее число возставшихъ. Къ этому центру „мятежа“ Александръ отправилъ немедленно одного изъ способнѣйшихъ военачальниковъ своихъ, Кратера, съ приказаніемъ лагерь свой разбить близъ Кирополя, обречь его рвомъ и валомъ и заняться устройствомъ осадныхъ машинъ, съ тою это цѣлю, чтобы горожане киропольскіе, занятые отраженіемъ Кратера, не могли подать помощи другимъ „взбунтовавшимся“ городамъ. Самъ же, приказавъ пѣхотѣ изготовить лѣстницы, кинулся съ нею къ ближай-

шему отъ лагеря его городу, Газѣ по имени, и немедленно повелѣ атаку на городскую стѣну, которая сбита была изъ глины и притомъ не высока, осыпая защитниковъ ея градомъ стрѣлъ изъ луковъ и военныхъ машинъ; а когда очистилъ такимъ способомъ стѣну, велѣлъ приставить лѣстницы, и Македоняне взяли городъ приступомъ, причемъ, по приказанію Александра, всѣхъ взрослыхъ мужчинъ въ немъ перебили, женщинъ и дѣтей увели въ плѣтъ, имущество расхитили, и, прибавляеть Курцій — разрушили самый городъ, чтобы этимъ примѣромъ жестокости навести страхъ и на прочее возставшее населеніе. Вслѣдъ за этимъ — продолжаетъ Арріанъ — тотчасъ же двинулся Александръ къ другому изъ возставшихъ городовъ, взялъ его такимъ же образомъ какъ и Газу, и такимъ же образомъ поступилъ съ его жителями. Затѣмъ пошелъ на третій, и на слѣдующій же день взялъ его съ перваго натиска. Подвизаясь описаннымъ образомъ съ одною пѣхотою, кавалерію свою послалъ онъ, между тѣмъ, къ двумъ другимъ возставшимъ, по сосѣдству съ первыми, городамъ, приказавъ озаботиться, чтобы она не допустила жителей этихъ городовъ — когда увѣдомятся они о гибели ихъ сосѣдей и что самъ Александръ идетъ на нихъ — предаться бѣгству и тѣмъ затруднить ему ихъ преслѣдованіе и наказаніе. Такъ и случилось, какъ онъ предполагалъ. Увидя дымъ ближайшаго къ нимъ изъ зажженныхъ городовъ, и услышавъ объ участи ихъ отъ немногихъ ускользнувшихъ отъ гибели, жители двухъ означенныхъ, невзятыхъ еще, городовъ бросились съ величайшею поспѣшностію искать спасенія въ бѣгствѣ, и наткнулись на высланную противъ нихъ конницу, вслѣдствіе чего и были во множествѣ перебиты (IV, 2, 5—6).

Истребивъ въ двое сутокъ пять городовъ съ ихъ населеніемъ, направился Александръ къ Кирополю. „Высокія стѣны этого города, якобы самымъ Киромъ основаннаго, и множество стекшихся подъ защиту ихъ самыхъ воинственныхъ варваровъ страны, дѣлали невозможнымъ взять Кирополь съ перваго натиска“ — говоритъ Арріанъ (IV, 3, 1). „Вслѣдствіе этого Александръ рѣшилъ пробивать стѣны его машинами, и гдѣ будетъ сдѣлана брешь, идти туда на приступъ. Независимо отъ того, примѣтивъ, что ложе рѣки, протекающей черезъ городъ, высохло, отчего подъ стѣною, гдѣ оно пролегалo, открывалась возможность прохода, онъ, взявъ съ собою тѣлохранителей, щитоносцевъ, стрѣлковъ и Агріанцевъ, вошелъ въ этотъ проходъ всего съ нѣсколькими воинами, незамѣтнымъ для осажденныхъ образомъ, такъ какъ все вниманіе ихъ устремлено было на ту сторону,

откуда дѣйствовали осадныя машины. А когда вошелъ, то, разбивъ пэнутри ворота, которыя находились съ этой стороны, впустилъ въ нихъ остальныхъ людей своего отряда. Увидѣвъ, что городъ ихъ взять, варвары тѣмъ не менѣе обратились противъ ворвавшихся съ Александромъ воиновъ, и вступили съ ними въ жестокой бой. Самъ Александръ получилъ тяжкій ударъ камнемъ въ голову и по шеѣ, Кратеръ и многіе другіе вожди поранены были стрѣлами. Между тѣмъ, осаждавшіе стѣну снаружи, овладѣли ею, такимъ образомъ уже лишившую защитниковъ. При занятіи города легло около 8,000 изъ осажденныхъ. Остальные—всего стекшихся въ Кирополь было 15,000—заперлись въ кремль, но черезъ сутки, страдая отъ жажды, должны были сдаться" (IV, 3, 1—4).

Оставалось покончить съ послѣднимъ изъ семи возставшихъ городовъ. По Птоломею, онъ тотчасъ же сдался Александру; по Аристову, и этотъ городъ взять былъ силою, и всѣ захваченные въ немъ перебиты. Читаемъ это у Арріана (IV, 3, 5). У Кв. Курція идетъ рѣчь о взятіи всего трехъ возставшихъ городовъ (VII, 6, 25—26): одного—безыменнаго, соотвѣтствующаго Газѣ по Арріану; другаго—города Мемаценовъ, соотвѣтствующаго, повидимому, седьмому городу по счету Арріана; и третьяго—Кирополя. Изъ трехъ этихъ городовъ Кв. Курцій распространяется только объ осадѣ втораго. „Мемацены (Мемасепі) — сказываетъ онъ—кланъ (gens) весьма сильный, рѣшались не сдавать своего города. Александръ, чтобы ослабить ихъ упорство, послалъ къ нимъ 50 всадниковъ, которые бы растолковали возмущившимся, какъ милостивъ онъ къ покоряющимся, и какъ неугодно жестоко къ побѣжденнымъ. Осажденные приняли прибывшихъ съ честію и угостили ихъ на славу, а когда тѣ опьянѣли и уснули, перебили спящихъ. Раздраженный такимъ коварствомъ, Александръ обложилъ немедленно городъ, но видя, что сразу его не взять, поручилъ вести осаду Мелеагру и Пердиккѣ, а самъ направился къ Кирополю (онъ не былъ еще взятъ), по овладѣніи которымъ вернулся помогать помянутымъ вождямъ своимъ. Никогда никакой городъ не выдерживалъ осады такъ мужественно какъ этотъ: самые смѣлые изъ осаждающихъ пали подъ его стѣнами, и самъ Александръ такъ тяжело раненъ былъ камнемъ въ голову, что упалъ безъ чувствъ: войско считало его уже погибшимъ (—видимъ, что Курцій относитъ къ осадѣ мемаценскаго города случай съ Александромъ, происшедшій, по Арріану, при взятіи Кирополя —); но онъ, оцувствовавшись, не сталъ ожидать излеченія своей раны, а еще горячѣе повелъ осаду.

Стѣна, обрушенная подкопомъ, образовала широкую брешь, въ которую и устремились осаждающіе. Взятый городъ былъ разрушенъ".— Арріанъ разказъ свой о подавленіи возстанія въ семи городахъ заключаетъ (IV, III, 5), со словъ Птолемея, извѣстіемъ, что взятые въ нихъ плѣнники были связаны и находились подъ стражею все время пока не ушелъ Александръ изъ этого края, съ тою цѣлію чтобы никто изъ принимавшихъ участіе въ возстаніи не могъ остаться въ краю, значить всѣ они осуждены были на ссылку, а куда это—неизвѣстно. Въ какой же части Согдіаны творились описанныя неистовства? Приступая къ разъясненію этого вопроса, надо имѣть въ виду два обстоятельства: 1) относительную близость другъ къ другу всѣхъ возставшихъ городовъ, и 2) что они большею частію были разрушены, такъ что съ теченіемъ времени могли изгладиться и самыя ихъ слѣды, а, вмѣсто нихъ, возникли новые города на другихъ мѣстахъ и съ другими именами, вслѣдствіе чего приуроченіе можетъ быть лишь приблизительное. Незавѣстно даже, гдѣ находился важнѣйшій изъ этихъ городовъ, Киринополь (Кира, по Страбону Кирешата, по Птолемею Александрійскому). „При Яксартѣ“, „близъ Яксарта“ — еще ничего не опредѣляетъ. Затѣмъ изъ остальныхъ возставшихъ городовъ называетъ Арріанъ по имени только одинъ — Газу. Не сохранялось ли это имя за какою-либо мѣстностію по близости Сыра до нашего времени, или хотя до старшихъ арабскихъ географовъ, упоминающихъ имена множества городовъ въ Маверапнагрѣ, съ тѣхъ поръ исчезнувшихъ? Да, сохранилось: Истахри, Ибнъ-Хаукаль, Мукадеси, всѣ трое упоминаютъ о двухъ городахъ по имени Газакъ: одномъ—въ Шашской области, другомъ—въ Ушрусанѣ¹⁾. До перваго намъ дѣла нѣтъ, такъ какъ онъ находился на правомъ берегу Сыра. Второй весьма идетъ къ дѣлу, такъ какъ край, извѣстный подъ именемъ Ушрусавы простирался на западъ до Самаркандской области, на востокъ до Ферганы, на сѣверъ до Сыра²⁾, и города этой области лежали частію на пути Александра отъ Мараканды до Яксарта. Приурочена можетъ быть Газа Арріанова къ этому Газаку и потому, что послѣдній по Ибнъ-Хаукалу³⁾ отстоялъ отъ Ходженда, на самомъ берегу Сыра, всего въ 6 фарсахъ пути (80

¹⁾ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, edidit M. J. de Goeje (Lugduni Batavorum, 1879—1879), I, 330; III, 264 и I, 325; II, 379 и III, 265.

²⁾ По Истахри и по Ибнъ-Хаукалу, l. c., I, 325, II, 379.

³⁾ L. c. II, 404.

версть); Александръ же долженъ былъ находиться на Яксартѣ гдѣ-нибудь недалеко отъ Ходженда, а Газа была ближайшимъ къ его лагерю возставшимъ городомъ. Значить центромъ возстанія былъ Ушрусанскій край. Взявъ Газу, въ тотъ же день овладѣлъ Александръ и другимъ ближайшимъ городомъ. Этотъ—послѣдній могъ соотвѣтствовать Фагкету упомянутыхъ арабскихъ географовъ, такъ какъ Фагкетъ, по Ибнъ-Хаукалу ¹⁾, отстоялъ отъ Газака всего въ двухъ фарсахъ (14-ти верстахъ). На слѣдующій день жертвою Александра сдѣлался третій городъ, находившійся въ виду у четвертаго и пятаго, куда послана была конница. Этими тремя городами могли быть Сабатъ, Заминъ (существуютъ донинѣ въ видѣ селеній) и пынѣшнее селеніе Шагристапъ. Дизекъ, нынѣ Джизакъ, можно принять за седьмой возставшій городъ (городъ Мимаковъ по Кв. Курцію). При такомъ распредѣленіи ²⁾, Кирополемъ приходится быть нынѣшнему городу Ура-тюбѣ, подтвержденіемъ чему, кромѣ мѣстности сего послѣдняго ³⁾, можетъ служить то обстоятельство что Кирополь былъ главнымъ городомъ возставшаго края (Ушрусаны), а изъ „Записокъ“ султана Бабуръ ⁴⁾ мы знаемъ, что Ура-тюбѣ назывался первоначально Ушрусаной (по имени области, въ которой онъ первенствовалъ, имѣя кромѣ того и собственное имя, какинъ, въ X столѣтіи, было Бумджакъ или Бенджакъ ⁵⁾).

Такъ вотъ, гдѣ было гнѣздо возстанія—въ Ушрусанѣ, сзади и съ праваго фланга у Александра. Кромѣ общихъ причинъ къ возстанію могло оно быть вызвано какъ тою жестокостію, съ какою наказалъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Томашекъ первый сдѣлалъ опытъ приуроченія ушрусанскихъ городовъ, возставшихъ противъ Македонцевъ къ средневѣковымъ мѣстностямъ края. По его распредѣленію (Sogdiana, S. 57—58), Газа соотвѣтствовала *Дизаку* или *Джи-заку*, соседняя съ Газою крѣпость—*Замину*, три слѣдующія — *Сабату*, *Сува-кату* и *Хавасту*, городъ *Маймаковъ*—*Даккату*, или *Машикъ*, *Кирополь*—*Ура-тюбѣ*. Излагать основанія, почему мое приуроченіе разнится отъ Томашекова было бы слишкомъ долго.

³⁾ О мѣстности Ура-тюбѣ см. у *Назарова* въ *Запискахъ* о части Средней Азии (С.-Пб., 1821), стр. 78—79; у *Генса* въ *Nachrichten ueber Chiwa, Buchara, Chokand u. s. w.* (St. Petersburg, 1839), S. 73; и у *Костенка*: Туркестанскій Край (С.-Пб., 1880), I, 448.

⁴⁾ «Ваберь-Намъ» въ джагагайскомъ подлинникѣ, изданномъ *Н. Ильминскимъ* (Казань, 1857), стр. 13; въ англійскомъ переводѣ *Лейдена* (London, 1826), стр. 9; въ французскомъ переводѣ *Павъ-де-Куртеля* (Paris, 1871), I, 16.

⁵⁾ Bibliotheca Geographorum Arabicorum, I, 326, 343; II, 379; III, 49, 265, 277.

Александръ, вѣроятно на пути къ нынѣшнему Джизаху, въ ущельѣ Джиланъ-Ута, нападеніе на его фуражировъ, о которомъ шла рѣчь выше, такъ и малочисленностію гарнизоновъ, которые оставлялъ Александръ въ подчинявшихся власти его городахъ ¹⁾, приводи тѣмъ къ соблазнѣ враждебныхъ ему туземцевъ. Теперь понятнымъ становится и то, почему Аррианъ называетъ возставшихъ просто „варварами“, а не Согдійцами: Ушрусана къ Согду не принадлежала, а была особымъ, независимымъ отъ Согда краемъ ²⁾, почему и жители ея должны были имѣть свое, особое отъ Согдійцевъ, имя. Но, вѣдь, только сѣверная часть Ушрусаны прилежала къ Яксарту, почти всѣ возставшіе города лежали далеко отъ этой рѣки: почему же, какъ видѣли мы, Аррианъ говоритъ, что вырѣзаны были македонскіе гарнизоны въ городахъ „по Яксарту“. Полагаемъ, что это—послѣднее выраженіе не надо понимать буквально, какъ, оказалось, нельзя понимать буквально и того, что Кирополь находился „на Яксартѣ“. Аррианъ, по всей вѣроятности, не представлялъ себѣ ясно мѣстности возставшихъ городовъ: были гдѣ-то тамъ около Яксарта, ну и написалъ „по Яксарту“. Важно, въ настоящемъ случаѣ, не это, а то, что города въ Ушрусанѣ названы „скискими“. Если, какъ замѣтили мы выше, это не описка, то открывается весьма любопытный фактъ — что Ушрусана находилась въ подчиненіи Скиамъ, конечно ближайшимъ къ ней, Скиамъ-Сакамъ въ сосѣдней Ферганѣ и сосѣдней Ташкннн. Значить, и въ IV вѣкѣ до Р. Х. политическое положеніе этого края было такое же какъ и въ весьма недавнее время, когда Ура-тюпэ, Джизахъ и другія мѣстности этого края находились въ зависимости отъ коканскихъ хановъ. Понятнымъ становится теперь и то, что заставило Скиоовъ явиться, какъ сейчасъ увидимъ, на Яксартъ съ враж-

¹⁾ При томъ относительно небольшомъ числѣ войска, которымъ располагалъ Александръ воюя въ Согдіанѣ и Ушрусанѣ, можно а ригіогі сказать, что ему не представлялось возможности отдѣлать отъ арміи своей значительныхъ отрядовъ для обезпеченія покорности занятыхъ имъ мѣстностей. Выше видѣли мы, что сатрапу Аріи, Сатибарзана, оставлено имъ было всего 40 конныхъ копѣйщиковъ. Ниже увидимъ, что въ Бактрѣ македонскій гарнизонъ состоялъ всего изъ 80 конниковъ. Судя по этому, слѣдуетъ думать, что въ Газѣ и подобныхъ маленькихъ городкахъ оставлены были, не въ качествѣ гарнизона, а какъ свѣдѣтельство македонскаго владычества, команды въ 20, въ 10 и менѣе воиновъ. По соображеніямъ Гериберта (l. c. II, 127), Александръ, когда вспыхнуло возстаніе въ Ушрусанѣ, могъ располагать всего 22,000—23,000 пѣхоты при 4,000 конницы.

²⁾ По Истахри и Ибнъ-Хауказу, l. c.

дебными Александру наиѣреніями: вѣдь онъ завладѣлъ краемъ, платившимъ имъ дань, лишилъ ихъ доходовъ — причина, надѣмся, уважительная.

О скопленіи скинскихъ полчищъ на правомъ берегу Сыра узналъ Александръ, усмиряя ушрусанское возстаніе: „привалили-де Скины, прослышавъ о возстаніи туземцевъ на лѣвомъ берегу рѣки, съ тѣмъ чтобы, если возстаніе значительно, и самимъ имъ кинуться на Македонцевъ“. Въ то же время доведено было до свѣдѣнія его, что гарнизонъ, оставленный имъ въ Маракандѣ, осажденъ Спитаменомъ ¹⁾. Такимъ образомъ подавленное въ Ушрусанѣ, сбоку, возстаніе грозило теперь съ тыла, что было еще опаснѣе. А тутъ спереди Скины съ своею репутаціею народа, котораго никакой завоеватель покорить не могъ, въ борьбѣ съ которыми самъ Киръ погибъ. Страдая отъ полученной раны, не будучи въ состояніи, отъ слабости, ни стоять, ни сѣсть на коня ²⁾, Александръ, въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, показавъ себя пстиппо великимъ по непоколебимости духа. Противъ Спитамена послалъ онъ Андрюмаха, Менседема и Карана съ 60 человекъ копницы изъ союзниковъ и 80-ю изъ наемниковъ и 1,500 пѣхотинцами изъ наемниковъ (по Кв. Курцій 800 всадниковъ и 3,000 пѣхотинцевъ), поручивъ этотъ отрядъ въ распоряженіе лѣккія Фарнуха, знакомаго съ языкомъ туземцевъ и казавшагося способнымъ ладить съ ними ³⁾; а самъ — приваясь приводить въ исполненіе наиѣреніе свое выстроить Александрію на Яксартѣ. Вернувшись изъ описанной экспедиціи, обвелъ онъ стѣною все пространство, которое занималъ его станъ при рѣкѣ — 60 стадій въ окружности, и заставлялъ войско свое работать съ такимъ усердіемъ, что въ 17 дней по возведеніи стѣны всѣ дома были уже подъ крышами. Населилъ онъ этотъ, не городъ, а скорѣе укрѣпленный лагерь, частію греческими наемниками своими, частію туземцами изъ окрестностей, которые сами пожелали поселиться тутъ, частію плѣнниками и плѣнницами своихъ воиновъ, выкупленными у нихъ, а отчасти и Македонцами, которые оказывались уже негодными къ войнѣ. Основаніе этой, новой, Александріи отпраздновано было торжественнымъ жертвоприношеніемъ, конскими скачками и гимнастическими играми ⁴⁾. Скины, между

¹⁾ Арріанъ, IV, 3, 6.

²⁾ Кв. Курцій, VII, 7, 28.

³⁾ Арріанъ, IV, 3, 7; Кв. Курцій, VII, 6, 27.

⁴⁾ Арріанъ, IV, 5, 1. Желаніе выстроить поскорѣе Александрію на Яксартѣ рывалось, можно полагать, многими побужденіями, въ числѣ коихъ первое

тѣмъ, не отходили отъ противоположнаго берега и, пользуясь увыстію рѣки въ этомъ мѣстѣ, пускали стрѣлы въ Македонцевъ и всачески ихъ задирали и похвалялись. Самый даже приходъ Скиновъ на Сыръ объясняетъ Кв. Курцій (VII, 7, 28) тѣмъ, что въ построеніи Александріи увидѣли они угрозу своей свободѣ, вслѣдствіе чего царь скинскій и послалъ брата своего Картаса, съ большимъ числомъ конниковъ, разрушить этотъ городъ и заставить Македонцевъ удалиться отъ рѣки. Такое поведеніе Скиновъ раздражило, наконецъ, Александра, онъ рѣшился сдѣлаться съ ними и показать міру, что побѣдить и непобѣдимыхъ, а при этомъ рассчитывалъ и на то, что слава о его побѣдѣ надъ Скивами подѣйствуетъ умирительно и на возставшихъ Согдійцевъ, свидѣтельствуя, что нѣтъ врага, котораго бы онъ не одолѣлъ, что всякое сопротивленіе ему бесполезно. Но смотря на рѣшимость помѣряться со Скивами, новость предпріятія волновала однако неустрашимаго Македонца, сомнѣніе невольно закрадывалось ему въ душу: онъ попробовалъ прибѣгнуть къ обычному Грекамъ, въ такихъ случаяхъ, гаданію. Походный предвѣщатель его, Аристандръ, гадалъ два раза на внутренностяхъ животныхъ, и два раза не обѣщали онѣ ничего хорошаго. Но непреклонный Александръ не поддался и тутъ: велѣлъ для переправы черезъ рѣку конницы и фаланги изготавить плоты, а легко-вооруженныхъ переправить на турсукахъ, по сдѣланному уже на Оксѣ удачному опыту такой переправы ¹⁾. Въ три дня связано было 12,000 плотовъ. Это число у Кв. Курція (VII, 8, 32) явная описка, потому что если положимъ только по 6 кавалеристовъ или по 12 пѣхотинцевъ на каждый плотъ, считая что въ войскѣ его на семь пѣхотинцевъ приходилось по одному кавалеристу, то окажется, что велѣлъ онъ на Скиновъ болѣе 180,000 одной кавалеріи и тяжело-вооруженной пѣхоты; а это невозможно: такой массы войска не могъ бы онъ прокормить, вода ее

мѣсто занимала необходимость, въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился далеко ото всякихъ пособій, имѣть укрѣпленное убѣжище для своей арміи на случай еслибы она обложена была возставшими туземцами безъ возможности разбить ихъ, и потому должна была ожидать долгое время прибытія новыхъ силъ изъ-за Окса, которыми бы поддержали ее и освободили. Да неблагоприятнымъ, быть можетъ, казалось Александру предпринять и задуманный имъ походъ на Скиновъ черезъ Яксартъ, не обезпечивъ себя, на случай неудачи, укрѣпленнымъ лагеремъ на самомъ берегу рѣки, куда бы могло укрыться разстроенное и преслѣдуемое войско его.

¹⁾ Арріанъ, IV, 4, 2—3.

часто по безплоднымъ пустырямъ Азіи. Сверхъ того, какъ увидимъ сейчасъ, плоты были такихъ размѣровъ, что на каждомъ должно было помѣщаться отъ 100 до 200 человѣкъ. Поэтому, вмѣсто 12,000, полагаю, надо читать только 120, или же 12,000 принимать за число не плотовъ, а отдѣльныхъ связокъ. Все было уже готово къ переправѣ, какъ, по словамъ Курція (VII, 8, 32—33), является къ Александру посольство отъ Скиновъ и приноситъ прекрасную, но длинную, предлинную рѣчь съ тою цѣлію, чтобы отвратить его отъ войны съ ними. Арріанъ ни словомъ не упоминаетъ о такомъ посольствѣ, и мы думаемъ, что какъ посольство, такъ и въ особенности прекрасная рѣчь, суть плодъ изобрѣтательности римскаго риторы, придумавшаго и посольство собственно для того, чтобы сочинить дѣйствительно великолепную рѣчь.

Какъ бы то ни было, весьма любопытны подробности, сообщаемыя обоими нашими историками о процессѣ переправы Александровой арміи черезъ Сыръ, высадки ея и боя со Скиоами. На передней части плота помѣщены были щитоносцы, поставленные на одно колѣно для вѣщей безопасности отъ непріятельскихъ стрѣлъ; занимаясь располагались метательныя машины съ ихъ прислугою, обставленные съ боковъ и спереди (?) вооруженными воинами; третій рядъ составляли воины, щитами своими сплошь (*testudine*) прикрывавшіе гребцовъ въ латахъ. Таково же было размѣщеніе и на плоткахъ съ конницею: лошади бѣлшею частію плыли сзади плотовъ, придерживаемыя всадниками за узду. Сзади же плотовъ, подъ ихъ прикрытіемъ, переправлялись и плывшіе на турсукахъ ¹⁾. Но прежде чѣмъ посадить войско на плоты, Александръ счелъ нужнымъ очистить противуположный берегъ отъ разбѣжавшихъ по оному Скиновъ. Это было достигнуто тучею стрѣлъ брошенныхъ черезъ рѣку изъ метательныхъ машинъ: Скионы отступили на небольшое разстояніе. Тогда войско, занявши плоты, поплыло при звукѣ трубъ, съ Александровымъ плотомъ впереди. Но при быстротѣ теченія рѣки трудно было сохранить предположенный порядокъ: плоты отходило, воины качались, мѣшали гребцамъ, и заботясь лишь о томъ, чтобы не свалиться въ воду, не могли стрѣлять въ непріятеля, а непріятель, видя это, снова придвинулся къ берегу и осыпалъ ихъ градомъ стрѣлъ, такъ что у нападающихъ почти всѣ щиты были продырявлены. Но лишь только плоты стали причаливать, какъ щитоносцы, поднимав-

¹⁾ Ев. Курція, VIII, 9, 34.

шись разомъ на ноги, мѣтко пустили въ Скиеовъ свои копья: испуганные кони послѣднихъ понеслись назадъ. Пользуясь этимъ переполохомъ у непріятеля, принялись высаживаться. Первыми спущены были стрѣлки и пращники, чтобы, поражая Скиеовъ, удерживали ихъ отъ натиска на фалангу, покуда не высадится конница. Когда же все войско македонское перебралось на берегъ, Александръ первымъ пустилъ въ атаку на Скиеовъ полкъ конной гетеріи и четыре эскадрона (ἑλῆ) саристоносцевъ ¹⁾. Скиомъ выдержали атаку и, сильные числомъ, стали охватывать этотъ отрядъ. Тогда велѣлъ онъ ударить на нихъ стрѣлкамъ, Агріанцамъ и прочимъ легковооруженнымъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Балакра. Когда же эти схватились со Скиеами, выпустилъ онъ на послѣднихъ три полка конной гетеріи и всѣхъ конныхъ копѣйщиковъ, а затѣмъ и самъ повелъ противъ непріятеля всю остальную свою конницу, растянувъ ее въ одну линію. Скиомъ обратились тогда въ бѣгство, потерявъ до тысячи человекъ убитыми, въ томъ числѣ одного изъ вождей, Сатрака, и 150 попавшими въ плѣнъ. Не довольствуясь этимъ поражениемъ Скиеовъ, Александръ пустился преслѣдовать бѣгущихъ, не смотря на стоявшій зной. Жажда одолевала его войско. Утоляли ее водою, какая въ тѣхъ мѣстахъ попадалась, крайне дурнаго качества. Испивъ этой воды, самъ Александръ подѣргерся такому сильному разстройству желудка, что пришлось прекратить преслѣдованіе, и онъ, еле-живой, отвезенъ былъ обратно въ лагерь. Такъ по Арріану (IV, 4, 4—9). Кв. Курцій (VII, 9, 34—35) сказываетъ, что Александръ преслѣдовалъ разбитыхъ Скиеовъ на протяженіи 80 стадій, что при этомъ много ихъ было побито, еще болѣе взято въ плѣнъ, и захвачено 1,800 лошадей; потеря же Македонцевъ ограничилась всего 60-ю всадниками и сотнею пѣхотинцевъ убитыми, да тысячею человекъ ранеными.

Въ какомъ пунктѣ переправлялся Александръ черезъ Сыръ? Конечно, близъ основанной имъ Александріи. Но гдѣ же именно находилась эта Александрія, отъ которой ни имени, ни слѣда не осталось? Въ настоящее время на лѣвомъ берегу Сыра существуютъ только городъ Ходжендъ и западнѣе его селеніе Нау; но противъ нихъ на правомъ берегу не степь, а гористая мѣстность. Для нашего предмета мѣстоположеніе Александріи на Сыръ не представляетъ важности: потому, оставивъ розыски о немъ, переходимъ отъ этого

¹⁾ Сарисса—копье до 16 футовъ длиною.

неразрѣшеннаго вопроса къ изложенію дальнѣйшихъ дѣйствій Александра въ Согдіанѣ.

Вскорѣ послѣ описаннаго пораженія Скиеовъ, явились отъ царя ихъ послы къ Александру съ извиненіями, что вступлено было въ бой съ нимъ не по рѣшенію всего скинскаго народа, а лишь со сторонѣ дурныхъ людей, неправдой живущихъ; онъ же, царь, готовъ исполнить все, что повелѣно будетъ Александромъ. Этотъ принялъ посольство милостиво, потому, основательно замѣчаетъ Арріанъ (IV, 5, 1), что еслибы показать, что онъ не довѣряетъ правдивости принесеннаго извиненія, то честь его требовала бы новаго боя со Скиеами, а это не соотвѣтствовало обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находился. По Курцію (VII, 9, 36), Александръ возвратилъ плѣнныхъ Скиеовъ даже безъ выкупа; по, замѣчательно, въ этомъ мѣстѣ Скиеовъ называетъ онъ уже не Скиеами, а Саками. Выходитъ, что и дрался Александръ за Яксартомъ именно съ Саками, и что Саки, а не какой либо другой скинскій народъ, держали въ зависимости и города ушрусанскіе.

Да, дѣйствительно, не до войны съ Саками было Александру. Еще до пораженія ихъ пришла вѣсть, что отрядъ, посланный на помощь къ Маракандѣ, погибъ. Разказываетъ объ этомъ Арріанъ (IV, 5, 2—9) такимъ образомъ: „Македонцы, осажденные Спитаменомъ въ Маракандскомъ кремлѣ, сдѣлавъ вылазку, успѣшно отразили нападавшихъ; а когда увѣдомился Спитаменъ, что къ осажденнымъ идетъ подмога, то отступилъ отъ Мараканды и сталъ уходить по направленію къ „столицѣ Согдіаны“. Фарнукъ вздумалъ его преслѣдовать, и увлекшись, забрался, вслѣдъ за нимъ, за предѣлы Согдійской области въ земли кочевыхъ Скиеовъ. Здѣсь Спитаменъ, подкрѣпившись шестьюстами скинскихъ всадниковъ, рѣшилъ дать отпоръ Македонцамъ, не атакуя ихъ и не давая имъ атаковать себя: пользуясь ровною и открытою мѣстностію, его всадники только обскакивали фалангу, поражая пѣхотниковъ стрѣлами; а когда Фарнукъ бросался на нихъ съ своею конницею, они тотчасъ же пускались въ уходъ на своихъ быстрыхъ и свѣжихъ коняхъ, тогда-какъ конница Аристотомасова со своими утомленными походомъ и слабыми отъ безкормницы лошадьми гнаться за ними была не въ силахъ. Вслѣдствіе такой тактики Скиеовъ, то нападавшихъ издала, то отступающихъ, у Македонянъ оказывалось уже много раненыхъ и частію убитыхъ, почему, построившись квадратомъ, стали они отступать къ рѣкѣ Политимету, въ лѣсоѣ, гдѣ менѣе могли вредить имъ скинскія стрѣлы

и успѣшнѣе могла дѣйствовать пѣхота. Карану, начальствовавшему однимъ коннымъ полкомъ, показалось при этомъ, что кавалерію безопаснѣе было-бы помѣстить за рѣкою, и не посовѣтовавшись съ Аристомахомъ, сталъ онъ переправляться. Пѣхота не поняла этого движенія, и бросилась вслѣдъ за всадниками безъ приказанія. Произошла сумятица, усмотрѣвъ которую „варвары“, со всѣхъ сторонъ, тоже кинулись къ рѣкѣ и въ рѣку, одни напирая на переправляющихся, другіе загоняя въ воду остававшихся еще на берегу, третьи поражая стрѣлами съ боковъ и тѣхъ и другихъ. Обойденные такимъ образомъ и тѣснимые отовсюду, Македонцы укрылись было на небольшой островѣ посреди Политимета; но здѣсь Спитаменъ окружилъ ихъ своею и скиескою конницею, и перестрѣлялъ почти всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ, взятыхъ въ плѣнъ, которые, впрочемъ, тоже были затѣмъ убиты“. Нѣсколько иначе, по словамъ Арріана (IV, 6, 1—2), разсказываетъ объ этомъ событіи Аристовулъ, по которому спаслось бѣгствомъ отъ описаннаго пораженія только 40 конниковъ и 300 пѣхотинцевъ изъ всего Фарнухова отряда. Иной разказъ о томъ же, сходный въ нѣкоторыхъ чертахъ съ Аристовуловымъ, встрѣчаемъ и у Кв. Курція (VII, 7, 31). Этотъ, не упоминая ни о Фарнухѣ, ни объ Андромахѣ, ни о Каранѣ, единственнымъ вождемъ отряда, посланнаго противъ Спитамена, называетъ Менедема. Упѣдомившись о его приближеніи, Спитаменъ, владѣвшій уже Маракандю — обстоятельство не представляющее прямого противорѣчія съ Арріановымъ разказомъ, такъ какъ Македонцы могли еще держаться въ кремлѣ, когда городъ собственно занятъ уже былъ Спитаменомъ — оставилъ ее, съ цѣлію устроить Менедему, на пути его къ Маракандѣ, засаду въ лѣсу, черезъ который шла дорога; въ этомъ лѣсу и скрылъ онъ своихъ Даевъ, а когда проходилъ Менедемъ, выпустилъ ихъ на него со всѣхъ сторонъ. Пораженные неожиданностію и подавляемье многочисленностію Даевъ, Македонцы были разбиты на голову; только часть ихъ успѣла убраться на небольшое возвышеніе, гдѣ-то тутъ находившееся; но и этихъ Спитаменъ заставилъ сдаться голодомъ. Вся-же потеря Македонцевъ въ описанной битвѣ простиралась убитыми до 2,000 человекъ пѣхоты и 300 конниковъ.

Арріановъ разказъ объ этомъ истребленіи Македонцевъ, основанный, должно полагать, на запискахъ Птолемея Лаова, представляется намъ, по заключающимся въ немъ подробностямъ, гораздо вѣроятнѣйшимъ, нежели Кв. Курціевъ. Рѣка Политиметъ, на которой по этому разказу побиты были Македонцы, есть, внѣ всякаго сомнѣнія,

пниѣшній Зерафшанъ, протекающій всего въ 6 верстахъ сѣвернѣ Самарканда ¹⁾). Но что это за „столица Согдіаны“, въ направленіи къ которой отступалъ Спитаменъ изъ Мараканды, когда эта самая Мараканда, по тому же Арріану, и была столицею страны Согдійцевъ? Значить, кромѣ Мараканды, былъ въ Согдіанѣ еще другой большой городъ, тоже претендовавшій на титулъ столицы (*Vasileia*). Объ этой, другой столицѣ Согдіаны нигдѣ далѣе, ни у Арріана, ни у другихъ греческихъ и римскихъ писателей, не упоминается. Но нѣтъ причинъ сомнѣваться, чтобы такой городъ не существовалъ дѣйствительно, въ Александрово время, ниже по теченію Зерафшана, какъ возникла тамъ позже Бухара. Судя по извѣстіямъ древнихъ арабскихъ историковъ о городѣ Бикепдѣ, Бикепдъ этотъ, въ Александрово время, и могъ считаться вторымъ столичнымъ городомъ Согдіаны. Уходилъ Спитаменъ отъ Мараканды внизъ по Политимету къ предѣламъ Согдійской области съ кочевыми Скиоами. Предѣлы эти начинались, безъ сомнѣнія, на сѣверъ отъ долины Политимета. Уходилъ сюда Спитаменъ, по всей вѣроятности, съ умысломъ навлечь на себя преслѣдованіе со стороны Македонцевъ, и завлекши ихъ въ пересѣченную каналами мѣстность по берегамъ Политимета, воспользоваться незнакомствомъ ихъ съ этою мѣстностію, чтобы нанести имъ возможный вредъ, что, какъ видѣли мы, и удалось ему въ высшей степени, при помощи союзныхъ Скиоовъ. У Кв. Курція, вмѣсто Скиоовъ, дѣйствуютъ Дан, тѣ самые Дан, должно быть, которые, какъ видѣли мы выше, ушли съ Бессомъ изъ Бактріаны ²⁾). Тактика, употребленная Спитаменомъ противъ Македонцевъ — тактика вполне сообразная со способомъ дѣйствій кочевниковъ: тактика эта болѣе всего убѣждаетъ насъ, что разказъ Арріана близокъ къ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ событія. Лѣсками окаймленъ Зерафшанъ на всемъ среднемъ теченіи своемъ, почему откуда бы ни отступали Македонцы къ Политимету, прикрытіе это нашли бы они вездѣ на его берегахъ. Что-же касается до

¹⁾ По *Костенки*: Туркестанскій край, I, 437.

²⁾ О Дакхъ, находившихся въ Вессовомъ войскѣ, Арріанъ — видѣли мы выше — говоритъ, что «пришли они къ нему съ береговъ Танаиса» (Сыръ-Дарья), следовательно нахождение ихъ въ отрядѣ Спитамена подъ Маракандою весьма естественно. Но главнымъ глѣздомъ Дакхъ едва-ли были берега Танаиса; не была ли, полагаемъ, и Маргіана, гдѣ показывается ихъ живущими Страбонъ (XI, 8, 2). По нашему мнѣнію, жили они преимущественно въ Бактріанѣ. Основываемся на томъ обстоятельстве, что китайскіе писатели не называютъ Бактріану иначе, какъ *Да-ля*, «страною Дакхъ или Даховъ».

небольшаго острова посреди Политимета, куда думали они напрасно укрыться, то, судя по направленію, въ которомъ уходилъ Спитаменъ изъ Мараканды, весьма возможно, что „небольшой островъ“ этотъ есть восточная часть знаменитаго Міанкаля — пространства между двумя рукавами Зерафшана, шириною отъ 15 до 18 верстъ ¹⁾.

Понятно, что Александръ не могъ оставить безъ возмездія гибели Фарнухова или Менедемова отряда. Немедленно по полученіи извѣстія о томъ, онъ съ легкими войсками (половиною союзной конницы, всѣми Агріянцами, стрѣлками, щитоносцами и наиболѣе подвижною частію фаланги) выступилъ немедленно къ Маракандѣ, гдѣ Спитаменъ опять осаждалъ македонскій гарнизонъ. Кратеру съ остальнымъ войскомъ приказавъ слѣдовать за собою небольшими переходами, самъ онъ, въ трое сутокъ сдѣлавъ 1500 стадій, на зарѣ четвертаго дня стоялъ уже подъ Маракандою. Спитаменъ, извѣстившись объ этомъ движеніи, снялъ немедленно осаду и пустился съ небольшими силами своими на уходъ. Александръ горячо преслѣдовалъ бѣглецовъ, и когда прибылъ къ мѣсту гибели Фарнухова отряда, похоронилъ наскоро тѣла убитыхъ воиновъ своихъ, а затѣмъ продолжалъ гнаться за бѣглецами до самой пустыни ²⁾, то-есть до тѣхъ мѣстъ, гдѣ долина Политимета окаймляется съ сѣвера горами и песчаными степями. И такъ Спитаменъ ускользнулъ изъ его рукъ, а надо же было отомстить на комъ нибудь истребленіе македонскаго отряда, и Александръ отомстилъ эту катастрофу на мѣстномъ населеніи, опустошивъ его поля, уничтоживъ жилища и перебивъ всѣхъ, кто думалъ укрыться отъ его мести въ укрѣпленныхъ мѣстахъ ³⁾. По Кв. Курцію (VII, 9, 36) велѣлъ онъ предавать смерти всѣхъ взрослыхъ. Такому повальному избіенію не подвергалось населеніе благодатной долины Зерафшана

¹⁾ Костенко, I. с. I, 225. По Кв. Курцію, Спитаменъ, съ приближеніемъ Александра къ Маракандѣ, бѣжалъ въ *Бактру* (VII, 9, 36). Такъ-какъ, въ настоящемъ случаѣ, подъ этимъ именемъ нѣкомъ образомъ нельзя понимать Бактру, столицу Бактріаны, то комментаторы Курція толкуютъ, что тутъ идетъ у него рѣчь о другой Бактрѣ, именно той, которая у географа Птолемея является, подъ именемъ *Трибактры*, тоже, по видимому, на Политиметѣ. Такимъ образомъ, Трибактра Птолемея будетъ тождественна со второю «столицей Согдійцевъ» по Арріану, и слѣдовательно, совпадать съ *Бикендомъ* Арабовъ, какъ предположено выше. Подробное разсмотрѣніе этого вопроса см. у Мюстисля въ изданіи Кв. Курція (Berlin, 1841), стр. 702—704.

²⁾ Арріанъ, IV, 6, 3—5.

³⁾ Тамъ же.

никогда, ни до, ни послѣ Александрова времени. Это былъ знаменитый образчикъ европейской справедливости и европейской гуманности въ приложеніи къ „варварамъ“ Азіатцамъ. Избито было всего, по греческому счету, болѣе 120,000 народа, какъ узнаёмъ о томъ изъ сохранившагося оглавленія потеряннхъ частей XVII-й книги Діодоровой „Библіотеки“ ¹⁾.

О дальнѣйшихъ въ теченіе 329 года дѣйствіяхъ въ Согдіанѣ великаго не только по талантамъ, но и по варварству героя Македоніи извѣстно то единственно, что онъ прошелъ по всему теченію Политимета до тѣхъ мѣстъ, гдѣ воды этой рѣки теряются въ пескахъ ²⁾ — значитъ, поработилъ всю среднюю и западную части Согдійской Долины. Какіе на этомъ пути встрѣчались города, какъ онъ ихъ бралъ, какъ относилось къ нему мѣстное населеніе, обо всемъ этомъ дошедшіе до насъ историки Александра не сочли нужнымъ упомянуть. Наступала глубокая осень, пора была на отдыхъ послѣ столькихъ подвиговъ въ Ушрусанѣ и Міанкалѣ, и Александръ, оставивъ въ Согдіанѣ Певколая съ 3000 пѣхоты — больше не требовалось, замѣчаетъ Кв. Курцій, чтобы держать страну въ покорности — отправляется зимовать въ Вактру ³⁾, а по Арріану ⁴⁾ — въ Заріаспу.

¹⁾ Diodori Siculi Bibliotheca Historica въ изданіи Диндорфа и К. Мюллера, (Parisii, 1844), II, 132.

²⁾ Арріанъ, IV, 6, 5.

³⁾ Кв. Курцій, VII, 10, 38.

⁴⁾ Арріанъ, IV, 7, 1.

В. В. Григорьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЬ.

1881.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХVII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1881.

ПОХОДЪ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО ВЪ ЗАПАДНЫЙ ТУРКЕСТАНЪ ¹⁾.

(Посвящается памяти М. П. Погодина.)

Въ Заріаспѣ, по Арріану (IV, 7, 1—5), зимою 329—328 года явились къ Александру сатрапъ надъ Парѣами Фратафернъ и Стасаноръ, посланный въ Арію схватить возмущившагося сатрапа ея Арсамена (это было уже третье возстаніе въ Аріи): виновный былъ привезенъ ими, равно какъ Варзанъ, котораго Бессъ назначилъ сатрапомъ въ Парѣю, и нѣкоторые другіе изъ соумышленниковъ Бессовыхъ. Въ то же время прибыли Эпокиллъ, Меламнидъ и вождь Фракійцевъ Птоломей, сопровождавшіе Менета, съ деньгами отправленнаго на родину и отпущенныхъ греческихъ союзниковъ. Прибыли, равнымъ образомъ, и Асандръ съ Неархомъ, ведя новый контингентъ греческихъ наемниковъ. Со свѣжими войсками явились также Бессъ, сатрапъ Сирійскій и эпархъ Аскленіодоръ. Собравъ всѣхъ этихъ и другихъ бывшихъ въ Заріаспѣ лицъ, Александръ въ собраніе это велѣлъ привести (содержавшагося подъ стражею) Бесса, и за вѣроломство его по отношенію къ Дарію приказалъ отрѣзать ему носъ и уши, и въ такомъ обезображенномъ видѣ отослать его въ Экбатану, для казни

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

въ присутствіи Мидянъ и Персовъ". За этимъ идетъ у Арріана рѣчь объ убіеніи Александромъ Клита (причемъ самъ Арріанъ замѣчаетъ, что это случилось нѣсколько позже) и о нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ, касающихся Александра; послѣ чего онъ снова переходитъ къ разказу о политическихъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Заріаспѣ, а именно (IV, 15, 1—6), что вновь прибыло туда посольство отъ европейскихъ Скивовъ, вмѣстѣ съ тѣми лицами, которыя посланы были въ Сквѣю съ первымъ оттуда посольствомъ (см. выше). Поводомъ къ новому посольству было то, что скиескій государь, отправившій прежде, умеръ и царство досталось его брату. Сущность посольства отъ этого новаго государя заключалась въ томъ, что онъ готовъ исполнить все, что повелѣно будетъ Александромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ представлены были богатые по скиескому дары и сдѣлано предложеніе не угодно ли будетъ Александру, въ скрѣпленіе дружбы и союза, жениться на дочери скиескаго государя, а не то, такъ переженить Александровыхъ близкихъ людей на дочеряхъ знатнѣйшихъ саповниковъ и князей скиескихъ. Почти въ одно время со скиескимъ посольствомъ пріѣзжалъ къ Александру, въ сопровожденіи 1500 всадниковъ, и Фарасманъ, царь Хоразмійцевъ, съ предложеніемъ служить проводникомъ и доставить все необходимое войску, если Александръ вздумаетъ идти войною на сосѣдей его Фарасмана, Колховъ и Амазонокъ, и подчинить власти своей народы около Понта Евксипскаго. Отъ скиескихъ предложеній Александръ уклонился, обласкавъ пословъ, Фарасмана же принялъ въ союзъ и дружбу, и поручилъ его особому расположенію Артабаза, возведеннаго въ сатрапи Бактріаны и сосѣднихъ съ нею областей. Засимъ рѣшенъ былъ второй походъ въ Согдіану, и Александръ направился обратно къ Оксу.

Ни о какомъ другомъ походѣ изъ Заріасны зимою 829 года или весною 828, нѣтъ у Арріана ни полслова.

Тѣ же самыя событія, которыя, по Арріану, имѣли мѣсто въ Заріаспѣ, происходили, по Кв. Курцію (VII, 10, 38) въ Бактрахъ, а именно: отправка Бесса въ Экбатану и прибытіе подкрѣпленій: Птолмей и Менида привели 3000 пѣхоты и 1000 конниковъ наемнаго войска; съ такимъ же числомъ пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ явился Александръ изъ Ликии; столько же прибыло съ Асклепідоромъ изъ Сиріи, и, наконецъ, Антипатръ прислалъ 8000 Грековъ, въ томъ числѣ 500 конниковъ. Но пріѣздъ скиескаго посольства и пословъ отъ Фарасмана (а не его самого лично), равно какъ и убіеніе Клита, отно-

сять Кв. Курцій (VIII, 1, 2—6) въ позднѣйшему времени, ко времени пребыванія Александра въ Маракандѣ лѣтомъ 328 года. За то ко времени пребыванія въ Бактрѣ относитъ онъ (VII, 10, 38) еще какую-то экспедицію для усмиренія мятежниковъ (въ какихъ мѣстахъ, неизвѣстно), вслѣдъ за чѣмъ говоритъ о движеніи Александра въ Оксу, о переправѣ его черезъ рѣки Охусъ и Оксъ, прибытіи въ городъ Маргину и основаніи въ окрестностяхъ ея, для обузданія мѣстнаго населенія, шести другихъ городовъ, все на возвышенностяхъ: двухъ — на югъ отъ Маргини, и четырехъ — на востокъ, въ столь близкомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобы, въ случаѣ надобности, могли оказывать взаимную помощь.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, два-ли различные города Бактры и Заріаспа или это одинъ и тотъ же городъ съ двумя именами — вопросъ этотъ разрѣшится далѣе самъ собою — спрашиваемъ: можно ли отвергать дѣйствительность похода въ Маргіану, о которомъ читаемъ у Курція, на томъ только основаніи, что о немъ не упоминается у Арріана? Полагаемъ, что нѣтъ, такъ какъ у Арріана встрѣчаются въ описаніи походовъ Александра и другіе, необъяснимые пропуски¹⁾. Не могъ-же выдумать Кв. Курцій цѣлаго похода безъ всякаго къ тому видимаго повода. И потомъ — походъ въ Маргіану былъ для Александра необходимостью: нельзя было ему оставить непокоренною страну по скатамъ Паропамизскихъ высотъ къ Оксу, страну, завоеваніемъ которой новыя его пріобрѣтенія въ Заоксусчинѣ связывались съ прежде покоренными областями, Гирканией, Аріей, Аррахосіей. Ни изъ Арріана, ни изъ другихъ историковъ Александра мы не видимъ, чтобы онъ когда-либо позже заходилъ въ Маргіану или посылалъ покорить ее кого-либо изъ своихъ военачальниковъ; область эта, между тѣмъ, входила въ составъ его царства, стало-быть была когда-нибудь завоевана, а если такъ, то могло это произойти только во время указываемое Курціемъ.

Войдемъ въ разъясненіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ этого похода въ Маргіану. Городъ Маргинія есть явно столица Маргіаны Мервъ. Рѣка Охъ можетъ быть признана въ нынѣшнемъ Мургабѣ²⁾.

¹⁾ По той, весьма вѣроятно, причинѣ, что источники Арріановы, Птоломей и Арристовулъ, участвовали не во всѣхъ походахъ Александра, и вносили въ записки свои только тѣ, въ которыхъ были лично.

²⁾ По Птоломеею Александрійскому Охъ впадаетъ въ Оксъ, и называется

Шесть городовъ, или укрѣплений, основанныхъ на югъ и на востокъ отъ Маргініи, возведены были, приходится думать, не очень близко другъ къ другу: иначе возведеніе ихъ не имѣло-бы смысла. Тѣ, которые построены были на востокъ отъ Маргініи, имѣли цѣлю содержать въ повиновеніи горное населеніе Паропамиса и жителей узкой обитаемой полосы у сѣверныхъ скатовъ Парапамиса къ равнинѣ Окса, находились, потому, вѣроятно, тамъ гдѣ видимъ нынѣ Андху, Мейменѣ, Шебурганъ и Серипуль. Одно изъ укрѣплений на югъ отъ Маргініи соотвѣтствовало, по всей видимости, нынѣшнему Сераксу, другое могло быть возведено тамъ, гдѣ нынѣ Меручакъ. При расположеніи укрѣплений въ означенныхъ пунктахъ, гарнизоны ихъ, дѣйствительно, могли приходить на помощь другъ другу въ случаѣ мѣстныхъ возстаній.

Но откуда же, изъ какого пункта предпринять былъ походъ въ Маргіану — изъ Бактръ или изъ Заріаспы, если это не одинъ и тотъ же городъ съ двумя именами? Предположивъ, согласно съ Курціемъ, что изъ Бактръ, прежде всего приходится спросить: какою-же дорогою, къ зимѣ 329 года, шелъ Александръ въ Бактры съ низовья Политимета (Зерафшана), гдѣ окончились военныя дѣйствія его въ Согдіанѣ осенью 329 года? Опять черезъ опустошенную долину Политимета, черезъ нынѣшнія Бухару и Карши на Келифъ? Но Александръ не любилъ возвращаться, безъ особой надобности, на поприща своего варварства. Или береговою, по Оксу, дорогою отъ Чарджуйской переправы до Келифской? Но слѣдуя этою дорогою по безплоднымъ, скудно населеннымъ мѣстамъ, ему некого было тамъ покорять, не было, потому, никакого смысла идти этою дорогою, не имѣющею никакого значенія, когда надо было дорожить временемъ для совершенія новыхъ пріобрѣтеній, необходимыхъ въ стратегическомъ отношеніи. Разъ походъ въ Маргіану былъ уже замышленъ, что могло заставить Александра возвращаться въ Бактры съ низовья Политимета, а изъ Бактръ идти на Мервъ, и дѣлать такимъ образомъ напрасно тысячу верстъ, когда съ Каракули (тѣ самымъ низовья Зерафшана) идутъ и шли, черезъ Чарджуй, нѣсколько дорогъ прямо на Мервъ, длиною менѣе 400 верстъ. Не естественнѣе-ли было Александру отправиться на зимовку съ Политимета прямо въ Мервъ,

Охотъ рѣка, соотвѣтствующая нынѣшней рѣкѣ *Самалакъ*у, питающей водами своими Мейменѣ и Андху, и далеко не добѣгающей до Аму-Дарьи.

или прозимовать въ другомъ мѣстѣ, откуда весною было-бы ему недалеко до Мерва? Сюда и подкрѣпленіямъ, направлявшимся къ нему изъ Греціи, Малой Азіи и Сиріи, было ближе, чѣмъ къ Бактрамъ, не говоря уже о томъ, что до этого—послѣдняго пункта должны бы они были пробираться изъ Парѳіи и Аріи или Гирканиіи черезъ трущобы Паропамиса, еще не подчинявшіеся Александровой власти, ибо немислимо, чтобы въ Бактры двигались они путемъ завоеваній Александра, то-есть черезъ Дрангіану, Аррахосію и Кавказъ (Гиндукушъ). Да и скинскому посольству подручье было явиться къ Александру въ низовьяхъ Окса, нежели въ Бактрахъ, а Фарасману Хоразмійскому и подавно. Не должно забывать также, что слѣдовало Александру заглянуть и въ Хоразмію, чтобы, наведя страхъ на Хоразмійцевъ, отвлечь ихъ отъ союза съ повстаншими Согдійцами, такъ какъ изъ Страбона (XI, 9, 8) знаемъ, что Спитаменъ, преслѣдуемый Александромъ въ Согдіанѣ, укрылся отъ него къ Хоразмійцамъ. Вступленіе Александра въ предѣлы Хоразміи, или зимованье его по близости къ этой странѣ, и было, можно полагать, причиною, вызвавшею Фарасмана на явку съ изъявленіемъ покорности.

Изложенныя соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что зиму 329—328 года проводилъ Александръ не въ Бактрахъ, а въ другомъ городѣ, именно въ Заріаспѣ. Что-же касается до мѣстоположенія Заріаспы, то ближе всего было бы видѣть ее въ Викендѣ Арабовъ, а если Александръ проникъ и въ Хоразмію, то — въ древнемъ городѣ Хоразмійскаго оазиса, Гезараспѣ, имя котораго и звуками своими напоминаетъ Заріаспу¹⁾.

¹⁾ Изъ древнихъ, Бактры отдаленнѣе отъ Заріаспы городомъ считают Птоломей; отождествляютъ ихъ Страбонъ и Плиній. А. Ворнсъ приурочивалъ Заріаспу къ Шегрисебау, Дройзенъ—къ Анду (Ankoï). Наше приуроченіе Заріаспы къ Гезараспу сдѣлано было еще Байеромъ (*Historia regni Graecorum Bactriani*, p. 18). Нынѣ Гезараспъ лежитъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи; но Александру, чтобы достигнуть Гезараспы, не нужно было переправляться съ праваго берега этой рѣки на лѣвый: въ Александрово время Гезараспъ могъ лежать на правомъ берегу Аму, какъ лежали тамъ многіе другіе города, погибшіе вслѣдствіе постоянного стремленія Аму забирать вправо, и вслѣдствіе того поднимать правый свой берегъ и примыкать къ лѣвому. Угрожаемые гибелью своего города на правомъ берегу рѣки, жители Гезараспы могли переселиться на лѣвый и новооснованное, или такъ поселеніе назвать именемъ родины—Гезараспомъ. Такъ, по Альбируни, поступили въ VII вѣкѣ жители столичнаго Хорезмискаго города Фимъ, когда рѣка разлила этотъ городъ, находившійся на правомъ берегу Аму. Городъ по

Такимъ образомъ, по нашимъ соображеніямъ, которыя, надѣмся, не грѣшатъ отсутствіемъ основательности, зима 329 — 328 года проведена была Александромъ въ Бикендѣ или Гезараспѣ, куда прѣѣзжали къ нему и скинское посольство, и Фарасманъ, куда привели ему своихъ солдатъ и Птоломей съ Менедомъ, и Александръ, и Асклепідоръ, куда пришли и войска, посланныя Антипатромъ. Усиленный этою подмогою въ 19,000 человекъ, раннею весною 328 года предпринялъ Александръ походъ въ Маргіану, которая, повидимому, не представила ему сопротивленія, и, возведя два укрѣпленія на югъ отъ Мерва, отправился затѣмъ на востокъ, въ Бактры, и, по пути, основалъ четыре остальныхъ. Въ Бактрахъ расправился, какъ сказано, съ Бессомъ, и, сдѣлавъ оттуда поискъ на бактрійскихъ повстанцевъ, для окончательной съ ними расправы и содержанія страны въ покоѣ, оставилъ тамъ Полисперхонта, Аттала, Горгію и Мелеагра съ ихъ фалангами, а самъ съ остальными войсками отправился снова въ Согдіану ¹⁾, куда и мы сейчасъ за нимъ послѣдуемъ.

Но, предварительно, предстоитъ разъяснить что надо думать о „Петрѣ Аримазовой“. Вслѣдъ за разказомъ о походѣ въ Маргіану, Кв. Курцій (VII, 11, 39), замѣтивъ что *et cetera quidem rasceverat* гех, переходитъ къ повѣствованію объ удивительной горѣ (*petra*), на которой Согдіецъ Аримазъ засѣлъ съ 30,000-мъ войскомъ и съѣстными припасами на два года. Гору эту описываетъ Курцій высотомъ въ 30, окружностію въ 150 стадій, отлѣсною со всѣхъ сторонъ и доступною для исхода лишь по узенькой тропинкѣ, причѣмъ на серединѣ ея высоты находится пещера съ узкимъ и темнымъ входомъ, но постепенно расширяющаяся и въ глубинѣ своей заключающая высокіе закоулки. Пещера эта повсюду источаетъ ручьи, соединенныя воды которыхъ образуютъ рѣку, сбѣгающую по скатамъ горы. Подробностей длиннаго разказа Курціева о томъ, какъ взята была Александромъ эта неприступная гора 300-ми „крылатыми“ воинами, повторять мы не будемъ; достаточно привести заключеніе (VII, XI, 42):

имени *Амъ*, лежащій теперь на лѣвомъ берегу, долженъ былъ находиться прежде, по историческимъ извѣстіямъ, подъ тѣмъ же самымъ именемъ, на правѣ. См. П. Лерха: *Khiva, seine historischen und geographischen Verhältnisse* (St.-Petersburg, 1873). С. 21—22. Что касается до приуроченія Заріаспы въ Бикенду, то оно предположено, тоже весьма основательно, Менюмъ, въ его *Meletamata* (р. 87).

¹⁾ Арріанъ, IV, 16, 1.

когда Аримазъ, съ родственниками своими и благороднѣйшими изъ народа, спустился изъ пещеры къ Александру, этотъ велѣлъ сначала всѣхъ ихъ высѣчь, а потомъ распять на крестахъ у самой подошвы горы. Остальное взятое въ плѣнъ населеніе ея было, вмѣстѣ со всѣмъ его имуществомъ, подарено побѣдителемъ жителямъ новооснованныхъ имъ (въ Маргіанѣ) городовъ, а гора съ окрестною страню поручена вѣдѣнію Артабаза.

Изъ того обстоятельства, что населеніе Аримазовой Петры рождено было въ рабство жителямъ только-что основанныхъ въ Маргіанѣ городковъ, можно заключать съ вѣроятностію, что и „Петру Аримазову“, хотя самъ Аримазъ и называлъ Согдійцемъ, должно искать тоже въ Маргіанѣ, куда Согдіецъ Аримазъ могъ бѣжать съ сообщниками своими изъ долины Полтимета, когда Александръ вырѣзывалъ ея жителей. Конечно, такой чудной горы, какою описываетъ Курцій Аримазову Петру, нѣтъ и не было въ дѣйствительности, но могло быть нѣчто похожее, и, въ этомъ качествѣ, всего болѣе подходитъ къ его описанію, какъ полагаетъ Томашекъ, мѣстоположеніе нынѣшняго Келати-Надири въ 60 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Мешгеда ¹⁾, или, какъ думаетъ Мютцель—мѣстоположеніе средневѣковаго Талекана между Мервомъ и Балхомъ ²⁾.

Новый походъ въ Согдіану оказывался необходимымъ вслѣдствіе полученныхъ извѣстій, что „многіе изъ Согдійцевъ укрѣпились въ крѣпкія мѣста, отказываясь повиноваться поставленному надъ ними сатрапу“ (Арріанъ, IV, 15, 7). Значитъ, варварское въ предшествовавшемъ году усмирненіе возстанія въ Ушрусанѣ и Міанкалѣ, сколь ни жестоко оно было, не достигло цѣли: какъ только Александръ ушелъ за Оксъ, Согдійцы, оставшіеся въ живыхъ, снова возмущались противъ палоченнаго на нихъ ига, еще разъ свидѣтельствуя тѣмъ, что они не малодушные Персы. Возстаніе охватило повидимому всю страну, нигдѣ особенно не сосредоточиваясь, вслѣдствіе чего приходилось укрощать его отдѣльными отрядами одновременно въ разныхъ ча-

¹⁾ Краткое описаніе Келата, куда знаменитый Надиръ-шахъ пряталъ все пріобрѣтавшіеся имъ сокровища, какъ въ неприступную твердыню, можно видѣть у *Бларамберга*, въ его «Статистическомъ Обзорѣнн Персіи» (СПб. 1853), стр. 298—299.

²⁾ *Томашекъ*, въ его *Sogdiana*, p. 33; *Мютцель*, въ его изданіи Къ. Курція, p. 711—712. Какая мѣстность соответствуетъ нынѣ Талекану средневѣковой географіи, съ его крѣпостію на горѣ *Нусрета-Куи*, указать мы не можемъ.

стяхъ края. Такъ, по крайней мѣрѣ, призналъ за лучшее Александръ, вслѣдствіе чего и раздѣлилъ войска, съ которыми вступилъ въ Согдіану, повидимому изъ Бактрѣ, на пять частей: одну далъ Эфестіону, другую Птоломею, третью Пердиккѣ, четвертую Койну и Артабазу, съ тѣмъ чтобъ военачальники эти, дѣйствуя въ томъ или другомъ направленіи, какъ кому удобнѣе, истребили запершихся въ крѣпостяхъ, щадя тѣхъ, которые покорятся добровольно. Самъ Александръ съ пятымъ отрядомъ, повидимому въ качествѣ резерва, пошелъ къ Маракандѣ, которая назначена была главною квартирою, куда должны были прибыть, по исполненіи возложеннаго на нихъ, и всѣ остальные четыре отряда ¹⁾). Какимъ на этотъ разъ путемъ двигался Александръ къ Маракандѣ, не знаемъ, какъ не знаемъ ничего и о томъ, въ какихъ частяхъ Согдіаны дѣйствовали прочіе отряды. Извѣстно то единственно, что черезъ нѣсколько времени всѣ эти отряды соединились въ Маракандѣ, достигнувъ цѣли имъ указанной въ бѣльшей части Согдіаны ²⁾). Тогда Александръ поручилъ Эфестіону „колонизировать согдійскіе города“, Койна съ Артабазомъ послалъ противъ Скивовъ, у которыхъ, по слухамъ, укрывался Спитаменъ, а самъ занялся обращеніемъ къ покорности остальныхъ частей Согдіаны, гдѣ держалось еще возстаніе ³⁾).

Что касается до порученія даннаго Эфестіону, оно не совсѣмъ для насъ ясно: долженъ ли былъ онъ заселить вновь жителями изъ туземцевъ разоренные и опустошенные, при усмиреніи возстанія, города края, собравъ въ нихъ разогнанное и разбѣжавшееся народонаселеніе; или предстояло ему дать пріютъ этому народонаселенію, основавъ новые города, гдѣ бы туземцы перемѣшаны были съ колонистами изъ Грековъ и Македонцевъ, разумѣется, негодныхъ болѣе къ военной службѣ, какихъ не мало должно было набраться въ войскахъ Александра ⁴⁾). Последнее представляется намъ вѣроятнѣйшимъ. — Подъ именемъ Скивовъ, у которыхъ укрывался Спитаменъ, стараясь возбудить ихъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ нахлывшаго на страну завоевателя, должно разумѣть въ настоящемъ случаѣ не Скивовъ собственно, а кочевниковъ, обитавшихъ по сѣ-

¹⁾ Арріанъ, IV, 16, 2.

²⁾ Арріанъ, IV, 16, 3.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Перваго мнѣнія держится Дройзенъ (I. с. 8. 250), послѣдняго — Герцбергъ (I. с. II, 152).

вернымъ окраинамъ Согдіаны, преимущественно же Массагетовъ и Дасевъ, какъ это видно изъ дальнѣйшаго изложенія Арріанова. Подъ повстанцами, усмиреніе которыхъ взялъ Александръ на свою долю, можно разумѣть туземцевъ не только въ тѣхъ частяхъ Согдіаны, куда приходили уже Македонцы, а и въ тѣхъ пространствахъ, куда еще не проникало ихъ оружіе. По теоріи самого Александра, усвоенной и его историками, должно было покоряться ему, еще издали, населеніе всякаго края, куда онъ являлся въ качествѣ законнаго преемника Даріева. Не выходило оно ему на встрѣчу съ поздравленіями, не присылало депутатовъ съ изъявленіемъ покорности, не подчинялось его приказаніямъ, значить бунтовало, мятежничило. Такихъ мятежниковъ, никогда его дотолѣ у себя не видавшихъ, образумливалъ Александръ, въ настоящемъ случаѣ, повидимому въ ближайшихъ окрестностяхъ Маракапды, можетъ быть въ верховьяхъ Зерафшана, около озера доселѣ посещаго его имя (Искендеръ-Куль), въ Ургутѣ, въ Шегрисебзѣ. Произвести ихъ усмиреніе удалось ему, замѣчаетъ Арріанъ (IV, 16, 3), безъ большаго труда. Вообще укрощенію возстанія въ частяхъ Согдіаны, завоеванныхъ въ продолженіе предшествовавшаго года, много способствовала, конечно, умная, хотя и безправственная мѣра, о которой упоминается у Кв. Курція (VIII, 1, 1): покорявшимся безъ сопротивленія раздаваемы были въ собственность города и земли упорствовавшихъ въ возстаніи.

Не бездѣйствовалъ, между тѣмъ, и несунывавшій, неутомимый Спитаменъ. Пока Койнъ съ Артабазомъ сторожили появленіе его на сѣверныхъ окраинахъ Согдіаны, онъ съ 600 массагетскихъ всадниковъ сдѣлалъ набѣгъ—на Бактріану, говоритъ Арріанъ (IV, 16, 4—7). Накинувшись тамъ внезапно на одно укрѣпленіе, гарнизонъ его (вѣроятно ничтожный, десятка въ два человекъ) онъ вырѣзалъ, а коменданта взялъ въ плѣнъ, и ободренный этимъ небольшимъ успѣхомъ, черезъ нѣсколько дней подступилъ къ Заріаспѣ и ограбилъ ея окрестности. Тамъ находилось въ это время нѣсколько всадниковъ изъ гетерій, оставленныхъ по причинѣ ихъ болѣзненности, и съ ними Пнеонъ Сосикловъ, смотритель за царскою челядью, да гусляръ Аристоникъ. Эти, узнавъ о набѣгѣ Скивовъ (sic), сѣли на коней, такъ какъ уже выздоровѣли, и вмѣстѣ съ 80-ю наемными конниками, стоявшими въ Заріаспѣ гарнизономъ, да нѣсколькими молодцами изъ царской прислуги, пустились вслѣдъ за Массагетами (sic), и неожиданно напавъ на нихъ, всю захваченную ими добычу отбили, и многихъ изъ грабителей положили на мѣстѣ. Но, возвращаясь изъ

этой удачной погони въ разбродъ и безъ порядка, подверглись, въ свою очередь, внезапному нападенію со стороны вернувшагося со Скиѳами (sic) Спитамена, при чемъ пало семеро изъ гетеристовъ и 60 изъ наемниковъ, равно какъ и храбрый гусларь, а Пиеонъ, израненный, попалъ въ плѣнъ".

Что Арріанъ, въ приведенномъ разказѣ, помѣщаетъ Заріаспу видимому въ Бактріанѣ, нисколько не доказываетъ тождества этого города съ Бактрами. Греческій историкъ нашъ нигдѣ не упоминаетъ о Маргіанѣ; область эта была для него частію Бактріаны: слѣдовательно и событіе, имѣвшее мѣсто въ Маргіанѣ, какъ мы думаемъ, происходило для него въ бактрійскихъ предѣлахъ.

Объ этомъ ли самомъ набѣгѣ Спитамена, или о другомъ сходномъ происшествіи читаемъ и у Кв. Курція. По его разказу (VIII, 1, 1). бактрійскіе изгнанники (то-есть бактрійскіе повстанцы, вынужденные покинуть родину), соединясь съ 800 массагетскихъ всадниковъ, стали разбойничать въ „ближайшихъ селеніяхъ" (къ чему „ближайшихъ?). Противъ этой шайки мѣстный (гдѣ?) начальникъ Аттива выступилъ съ 300 своихъ конниковъ, а шайка, увлекши его въ засаду, вырвала весь этотъ отрядъ вмѣстѣ съ его начальникомъ.

Увѣдомленный объ этихъ происшествіяхъ въ области подлежащей его военной присудіи, военачальникъ Кратеръ бросился за Массагетами со всею своею кавалеріею, они-же пустились на утекъ къ степямъ; онъ, однако, успѣлъ настичъ ихъ въ числѣ болѣе тысячи человекъ; завязалась схватка, въ которой верхъ остался за Македонцами. Массагетовъ пало въ этой схваткѣ 150 человекъ, остальные успѣли уйдти въ степь, куда преслѣдовать ихъ не представлялось возможнымъ. Такъ по Арріану (IV, 17, 1—2). По Кв. Курцію (l. c.), всѣ Массагеты спаслись бѣгствомъ, а Кратеръ настигъ только бѣжавшихъ съ ними 1.000 Даевъ, которымъ и нанесъ пораженіе, чѣмъ окончательно умирилъ край (то-есть, Бактріану въ обширномъ смыслѣ, край по лѣвому побережью Окса).

Изъ экспедиціи своей для укрощенія Согдійцевъ возвратился Александръ опять въ Мараканду. Ко времени этого, вторичнаго въ 328 году, пребыванія его здѣсь относитъ Кв. Курцій, какъ изложено выше, и пріѣздъ посольства отъ европейскихъ Скиѳовъ, и явку посланцевъ отъ царя Хоразмійскаго, что, видѣли мы, по Арріану имѣло мѣсто зимою 329—328 года, въ Заріаспѣ. Затѣмъ, дождавшись возвращенія въ Мараканду Эфестіона (скоро же исполнилъ онъ важное порученіе о колонизированіи согдійскихъ городовъ) и Артабаза, не

уси́вшаго поймать Спитамена, предпринялъ Александръ, по словамъ Курціа (VIII, 1, 2) охотничью прогулку въ край, называемый Базайра, или Базара (по другимъ рукописимъ Базиста), богатый стадами дикихъ звѣрей, которые содержались въ особыхъ заказныхъ лѣсахъ, окруженныхъ стѣнами и по мѣстамъ съ башнями для охотниковъ. Въ одинъ изъ такихъ лѣсовъ, четыре людскихъ поколѣнія не выдавшій охотника, забрался Александръ со всѣмъ своимъ войскомъ и устроилъ облаву на расплодившихся тамъ звѣрей: убито ихъ было четыре тысячъ, причемъ самъ онъ собственноручно закололъ огромнаго льва не безъ сильной опасности для собственной жизни. Знаменитая травля эта завершилась охотничьимъ пиромъ всеѣо войска въ томъ же лѣсу.

Относительно описанной охоты замѣтимъ прежде всего, что въ настоящее время львовъ въ Западномъ Туркестанѣ не водится; но это обстоятельство не можетъ служить уликою противъ достовѣрности Курціева разказа: за двѣ тысячъ лѣтъ львы, быть можетъ, и появлялись тамъ. Это одно. Потомъ—львы въ заказномъ лѣсу могли быть и ввозные, расплодившіеся впоследствии. Наконецъ, и не со львомъ могъ схватиться на охотѣ македонскій государь, а съ тигромъ: одно другаго стоитъ. Но походить ли на дѣло, чтобы обитатели Базайры содержали звѣринцы, о какихъ разказывается у Курціа, изъ одной любви къ искусству? На нашъ взглядъ это гораздо менѣе вѣроятно чѣмъ побѣда Александра надъ львомъ. И тутъ, однакоже, можно предположить обстоятельство, уменьшающее невѣроподобность существованія подобныхъ звѣринцевъ — то, что они могли быть заведены и содержимы, не жителями Базайры, а владѣльцами, государями этого края, какъ царская прихоть. Вычиталъ же Борнсъ ¹⁾ у персидскаго историка Вухарн ²⁾, что „одинъ изъ государей тамошнихъ, Шемсъ-ад-Динъ, пріобрѣлъ участокъ земли протяженіемъ въ полъ-фарсанга, (3¹/₂ версты), на которомъ развелъ сады, настроялъ великолѣпныхъ дворцовъ и кіосковъ, прорылъ водопроводныя каналы, и назвалъ это мѣсто Шемсъ-абад'омъ. Кромѣ того, устроилъ онъ тутъ же птичникъ и звѣринецъ, обвѣда его стѣною въ милю длиною, и населивъ первый голубями и другими птицами, а послѣдній — звѣрями: волками, ли-

¹⁾ См. его Путешествіе въ Бухару въ французскомъ переводѣ *États* (Paris 1835), II, 396.

²⁾ Историкъ этотъ—*Нарнам*. Борнсъ, по ошибкѣ, принялъ имя автора за названіе сочиненія (I. с. II, 332).

сицами, кабанами, оленями, дикими быками (нильгау) и т. д.; при чемъ одомашненныхъ изъ нихъ отдѣлилъ отъ дикихъ, паркъ для послѣднихъ обведа болѣе высокою стѣною, чтобы они не могли убѣжать. По смерти Шемсъ-эд-Дина, братъ и наслѣдникъ его Хырзаханъ построилъ въ Шемсабадѣ новыхъ зданій и увеличилъ число животныхъ въ звѣринцѣ⁴. Если такого рода звѣринцы могли устраивать бухарскіе владѣльцы, то нѣтъ причинъ отвергать возможность устройства подобныхъ, или еще ватѣплинѣ, и владѣльцами Базайры. Со всѣмъ тѣмъ, имѣя въ виду отсутствіе въ краю такихъ лѣсовъ, какими, по Курцію, обилела Базайра¹), и не довѣрая акуратности этого историка, мы бы весьма готовы были усомниться въ томъ, чтобы охота, имъ описываемая, имѣла мѣсто въ предѣлахъ Согдіаны, а не приурочена была къ этому краю, по невнимательному пользованію источниками, изъ какого либо другаго, гдѣ дѣйствительно происходила, изъ Гирканіи, напримѣръ, или изъ Кабулистана, гдѣ, въ краю по рѣкѣ Хоаспу, захвачено было у жителей болѣе 200,000 быковъ²). Сочли-же мы означенное сомнѣніе неумѣстнымъ лишь вслѣдствіе того, что объ охотѣ Александра въ Базайрѣ (собственно Басистѣ) и обилии тамъ дикихъ звѣрей, упоминается и у Діодора Сицилійскаго³).

Но гдѣ-же, въ какомъ направленіи отъ Самарканда отыскивать эту Базайру, этотъ рай для охотниковъ? Въ настоящее время не находится, въ районѣ многихъ верстъ отъ Самарканда, никакой мѣстности, которая называломъ своимъ напоминала бы Базайру или Басисту. Томашекъ⁴) отождествляетъ ее съ Ургутскою долиною, находя, что тутъ же существовало и владѣніе Ми китайскихъ сказаній о Заоксучинѣ, въ названіи столицы котораго, По-си-тэ, признаетъ онъ Діодорову Басисту. Вопросъ такъ теменъ, что можно и согласиться и не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ вѣскаго ученаго.

Съ охоты Александръ опять возвратился въ Мараканду, а оттуда отправился зимовать въ Наутаку, оставивъ въ долинѣ Политимета Койна съ его и Мелеагровымъ полкомъ, четырьмя стами конныхъ гетеристовъ, всѣми конными стрѣлками и тѣми изъ Бактрійцевъ и

¹) Относительно отсутствія лѣсовъ въ краю около Самарканда основываемся на показаніяхъ Костенки въ его книгѣ: Туркестанскій край, III, 140—159.

²) По Аппіану (IV, 25, 4) со смысломъ его на Птоломея.

³) Въ изложеніи содержанія потерянныхъ главъ XVII-й книги его «Исторической Библіотеки».

⁴) Centralasiatische Studien, Sogdiana, s. 80—81.

Согдійцевъ которые состояли дотолѣ подѣ начальствомъ Аминты — съ порученіемъ сидѣть гарнизономъ въ краю и силою или хитростію захватить Спитамена, если онъ станетъ рыскать тамъ зимою ¹⁾).

Плохо, видится, шли дѣла этого неутомимаго борца за свободу родины. Два раза возставали дружно Согдійцы, но оба раза разрозненно, мѣстно, каждый въ своемъ углу, не думая о соединеніи въ массы. Мелкіе князьки запирались въ свои горныя твердыни, надѣясь отсидѣться тамъ отъ непріятеля, ожидая, что онъ вотъ-вотъ натѣшится да и уйдетъ, и въ тѣхъ же твердыняхъ искало убѣжище населеніе равнинъ, терзаемое пришельцами. О наступательныхъ дѣйствіяхъ, объ общемъ предводителѣ, не было, повидному, и мысли. При такомъ положеніи дѣла, Спитамену съ немногими преданными ему людьми оставалось одно — что онъ и дѣлалъ — возбуждать противъ Македонцевъ болѣе подвижное населеніе сосѣднихъ съ Согдіаною степей, набирать союзниковъ изъ Даевъ, изъ Массагетовъ, да вести, при помощи ихъ, такъ сказать, партизанскую войну. Но кочевники любятъ воюу единственно изъ-за грабежа, отъ Македонцевъ не могли они поживиться богатою и легкою добычею, а нѣсколько чувствительныхъ пораженій нанесенныхъ имъ Кратеромъ и другими военачальниками Александра, не могли не охладить ихъ расположенія помогать Спитамену. Тѣмъ не менѣе ему еще разъ удалось склонить ихъ ко вторженію въ Согдіану. Рѣшившись схватиться съ Койномъ, направился онъ, по Арріану (IV, 17, 4), со всѣми, какіе еще оставались у него, сподвижниками, къ Вагъ, передовой согдійской крѣпостці на путь-пути между согдійскими и массагетскими землями ²⁾, и тутъ уговорилъ присоединиться къ нему около 3,000 скинскихъ (то-есть массагетскихъ) всадниковъ. Койнъ, освѣдомившись объ этомъ, самъ поспѣшилъ на встрѣчу Спитамену, и вступилъ съ нимъ въ жестокій бой, кончившійся тѣмъ, что Македоняне одолѣли, потерявъ всего убитыми 25 конниковъ и 12 пѣхотинцевъ, тогда какъ у „варваровъ“ пало болѣе 800 всадниковъ. Неудача эта была причиною того, что Согдійцы и многіе Бактрійцы, участвовавшіе въ битвѣ и бѣжавшіе вмѣстѣ со Спитаменомъ, оставили его, вернулись и предали себя въ руки Койна. Скины-Массагеты воспользовались этимъ, чтобы расхитить

¹⁾ Арріанъ, IV, 17, 8.

²⁾ Въ одной рукописи, вмѣстѣ съ Вагъ читается ѣс Гаѣас (Томашекъ, *Sogdiana*, S. 110). Во всякомъ случаѣ это не Вухара, которой въ Александрово время еще не существовало.

принадлежавшій вернувшимся обозъ, и ушли со Спитаменомъ въ свои пустыни. Но когда дошелъ до нихъ слухъ, что самъ Александръ собирается проникнуть къ нимъ, то, чтобы отклонить его отъ этого намѣренія, убили Спитамена и послали голову его Александру.

Такъ вотъ какъ кончилъ жизнь великій, но не признанный за такого врагами потому только, что не успѣлъ достигнуть благородной цѣли своей, патріотъ согдійскій. Массагеты поступили съ нимъ, какъ вообще поступаютъ практическіе кочевники: пока ждали себя пользы отъ него, они бились о бокъ съ нимъ, а когда увидали, что пользу можно извлечь изъ его головы, отрѣзали ее этому, бывшему своему предводителю. Примѣровъ такой расчетливости у кочевыхъ исторій знаетъ не мало ¹⁾. У Кв. Курція гибель Спитамена разказана болѣе романическимъ образомъ (VIII, 3, 12—13). Причиною ея представлена жена Спитамена, которую онъ страстно любилъ, и которой надобла жизнь съ нимъ въ постоянныхъ лишеніяхъ и опасностяхъ. Не разъ пробовала она уговорить мужа отдаться Александру, рассчитывая на великодушіе македонскаго государя. За такіе совѣты Спитаменъ однажды чуть не убилъ ее. Та раздражилась и, увидя удобное время, отсѣкла ему, сонному, голову. Для выщаго эффекта, Курцій заставляетъ ее, въ той самой окровавленной одеждѣ, въ которой совершила она преступленіе, явиться въ лагерь Македонцевъ и лично представить Александру голову своего мужа и отца своихъ дѣтей. Къ этому разказу, свидѣтельствующему до какой степени способенъ былъ на выдумки римскій историкъ македонскаго героя, когда, по его расчету, требовалось прикрасить повѣствованіе, прибавляетъ онъ, что Дам (гдѣ у Арріана фигурируютъ Массагеты, тамъ у Курція являются на сцену Дам), узнавъ о смерти Спитамена, захватили Датаферна, соучастника его „измѣны“, связали и привезли къ Александру, изъавляя и собственную свою покорность. — Эпизодъ чисто драматическій: добродѣтель (въ лицѣ Александра) торжествуетъ, пороки (въ лицѣ Спитамена и Датаферна) наказуются. Et c' est ainsi qu' on écrit l' histoire.

Отправивъ Александра изъ Мараканды зимовать въ Наутаку, Арріанъ не упоминаетъ ни о какихъ происшествіяхъ, которыя бы имѣли мѣсто на пути туда. По Кв. Курцію, изъ Мараканды Александръ направился предварительно на Ксениппу, а оттуда къ „твердынь Сисимитровой“, въ область, называемую Наура.

¹⁾ Одинъ изъ такихъ примѣровъ приводитъ въ брошюрѣ моей: *Die Nomaden* u. s. w. 8. 58.

Ксеинппа описывается Кв. Курціемъ (VIII, 2, 9) какъ страна сопредѣльная со Скиѳією и наполненная частыми и многочисленными селеніями, такъ какъ плодородіе земли тамошней не только привязываетъ къ ней туземцевъ, но и привлекаетъ пришельцевъ. Ради этого, служила она убѣжищемъ бактрійскимъ повстанцамъ вынужденнымъ бѣжать съ родины. Вѣсть о движеніи Александра изъ эту сторону заставила жителей ея (ради собственной безопасности) прогнать этихъ выходцевъ. Такихъ набралось до 2,200 человекъ, все конниковъ, прикипшихъ даже и въ мирное время жить разбоемъ (кто не мирился съ чужеземнымъ игомъ, тотъ по Курцію былъ разбойникомъ). Эти негодии, не надѣясь получить прощеніе, и кинулись съ отчаянія на (двигавшагося въ авангардѣ Александра) Амипту (назначеннаго сатрапомъ Вактріаны вмѣсто уволеннаго за старостію лѣтъ Артабаза и отправлявшагося на свой постъ), который не ожидалъ подобнаго нападенія. Завязался бой съ исходомъ, долгое время сомнительнымъ; но когда до 400 человекъ ихъ пало и до 300 взято было въ плѣнъ, остальные мятежники дали тылъ. Побѣда эта стоила Македонцамъ 80 убитыми и 350 ранеными. Не смотря на это, Александръ нашелъ политичнымъ простить бѣглецовъ, когда они обратились съ просьбою о помилованіи.

Вслѣдъ за означенный актъ милосердія, Александръ, по Кв. Курцію, со всѣмъ войскомъ своимъ прибылъ, какъ сказано, въ область по имени Наѳра. „Сатрапомъ тамъ—продолжаетъ Курцій—былъ Сисимитръ, отецъ двухъ сыновей отъ собственной своей матери: жениться на матеряхъ не считается тамъ предосудительнымъ. Входъ въ эту область черезъ тѣсное ущелье былъ сильно укрѣпленъ искусственными сооруженіями и защищался двумя тысячами вооруженныхъ туземцевъ; ущелье замыкалось скалою, со стремительною передъ ней рѣкою ¹⁾. Въ скалѣ продѣланъ былъ, искусственно, проходъ, свѣтлый вначалѣ, но чѣмъ далѣе внутрь, тѣмъ болѣе мрачный. Проходъ этотъ, узкимъ корридормъ, извѣстнымъ лишь туземцамъ, выводилъ на равнину. Входъ въ ущелье, малодоступное по самой природѣ своей, охранялось, какъ сказано, мѣстными варварами съ оружіемъ въ рукахъ. Противъ искусственныхъ укрѣпленій, заграждавшихъ входъ, Александръ велѣлъ дѣйствовать таранами, а когда тараны разбились

¹⁾ Такъ всѣ переводчики Курція понимаютъ еразу его: *praeterfluebat torrens amnis, а tergo petra claudebat*, хотя *praeterfluebat* относится скорѣе къ ущелью, чѣмъ къ скалѣ.

ихъ, пращниками своими и стрѣлками обратилъ въ бѣгство защитниковъ, и, преслѣдуя ихъ по развалинамъ, проникъ ущельемъ къ замыкавшему его утесу. Здѣсь встрѣтилъ онъ помянутую выше рѣку, образуемую водами, сбѣгающими съ окрестныхъ высотъ ¹⁾. Труднымъ дѣломъ представлялось перебраться черезъ этотъ водоворотъ. Александръ рѣшилъ перейти его, сдѣлавъ насыпь, и съ этою цѣлію велѣлъ рубить лѣсъ и тащить отовсюду камни. Варвары, ничего подобнаго не ожидавшіе, пришли въ ужасъ при видѣ быстро подымавшейся насыпи. Расчитывая, что можно воспользоваться этимъ страхомъ чтобы принудить защитниковъ скалы къ сдачѣ, Александръ послалъ къ Сисимитру Оксарту, соотечественника его, но служившаго уже ему, Александру, съ порученіемъ уговорить Сисимитра положить оружіе; а между тѣмъ, чтобы еще болѣе увеличить страхъ осаждаемыхъ, придвинулъ стрѣлометательныя башни и сталъ осыпая ихъ градомъ стрѣлъ, чѣмъ принудилъ убраться на вершину скалы, оставивъ подступы къ ней безъ обороны. Оксартъ, съ своей стороны, видя безпокойство Сисимитра относительно исхода защиты, принялся увѣщевать его, чтобы онъ испыталъ лучше великодушіе Македонцевъ, нежели силу ихъ оружія, и не замедлялъ спѣшнаго движенія ихъ въ Индію, обращая тѣмъ на голову свою громы, которые несли они туда. Самъ Сисимитръ былъ уже не прочь согласиться на это предложеніе, какъ мать его и вмѣстѣ жена объявила, что скорѣе умереть, чѣмъ отдаться въ чьи-либо руки, и склонила тѣмъ варвара предпочесть геройскую смерть позорному существованію: устыдился онъ, что женщины дорожатъ свободою болѣе, чѣмъ мужи, отпустилъ переговорщика и рѣшился выдерживать осаду. Но лишь только удался Оксартъ, какъ взвѣсивъ свои и непріятельскія силы, Сисимитръ сталъ раскаиваться, что послушался женскаго совѣта, который показался ему теперь болѣе опрометчивымъ, чѣмъ соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ, и тотчасъ же, велѣвъ вернуть Оксарту, объявилъ ему, что покоряется Александру, по просилъ притомъ не доводить до свѣдѣнія побѣдителя о совѣтѣ, данномъ матерью, чтобы обезпечить тѣмъ и для нея возможность помилованія. И такъ, пославъ Оксарту впередъ, самъ съ матерью, дѣтьми и всѣми родственниками отправился онъ вслѣдъ, не ожидая даже никакого залого, что обѣщанное Оксартомъ будетъ дѣйствительно исполнено. Увѣдомленный объ этомъ, Александръ по-

¹⁾ Тутъ опять немно у Курція: interveniebat fluvius coeuntibus aquis ex superiore fastigio in vallem.

слалъ на встрѣчу приближавшимся гонца съ приказаніемъ остановиться и ожидать его прибытія; прибывъ-же и совершивъ жертвоприношеніе Минервѣ и Побѣдѣ, объявилъ Сисимитру, что оставляетъ его въ управленіи областью, и обѣщалъ даже, что если будетъ онъ служить вѣрою и правдою, то поставитъ его начальникомъ страны болѣе значительной. Съ своей стороны Сисимитръ отдалъ ему двухъ сыновей своихъ, и Александръ приказалъ имъ находиться въ его свитѣ. Затѣмъ, отдѣлившись отъ фаланги, отправился преслѣдовать непокорившихся съ Сисиметромъ, сопровождаемый одною конницею¹⁾. Слѣдуетъ описаніе трудностей преслѣдованія на протяженіи 500 стадій, схватки съ бѣглецами въ лѣсу, и необыкновенныхъ подвиговъ юноши Филиппа, брата Лисимахова, которое мы опускаемъ. „Послѣ этого — говоритъ Кн. Курцій — намѣревался Александръ идти на Даевъ, у которыхъ проживалъ Спитаменъ. Но и это дѣло Фортуна, никогда не уставшая благопріятствовать ему, устроила, какъ и многія другія, помимо его“ (VIII, 3, 12), и ясимъ разсказываетъ о гибели Спитамена отъ руки собственной жспы, о чемъ упомянуто уже нами выше.

Гдѣ-же, въ какихъ частяхъ Согдіаны находились Ксениппа и Петръ Сисимитрова?

Новые историки Александра, обращая вниманіе въ приведенномъ разказѣ Курція преимущественно на то, что Ксениппу показываетъ онъ смежною со Скиеіею, поимѣчаютъ этотъ край, равно какъ и Петру Сисимитрову, въ сѣверной или даже сѣверо-западной части Согдіаны, въ горахъ Нуратау, къ чему соблазняетъ ихъ и названіе страны Наѣра¹⁾. Противъ такого приуроченія слѣдуетъ возразить, что Ксениппу описываетъ Курцій краемъ богатнымъ и густо-населеннымъ, а къ долинамъ и ущельямъ въ голомъ Нуратаускомъ хребтѣ это никакимъ образомъ неприложимо. Затѣмъ, какая статья и возможность была для бактрійскихъ выходцевъ забираться такъ далеко на сѣверъ черезъ долину Зерэфшана, усѣянную македонскими гарнизонами? И какъ бы могъ оставить тамъ въ покоѣ такую сильную шайку военачальникъ Койнъ, на котораго возложено было охраненіе Зерэфшанской долины отъ вторженій съ сѣвера? Наконецъ, зачѣмъ было Аминтѣ, получившему назначеніе въ Бактріану, на югъ отъ Мараканды, идти съ Александромъ на сѣверъ? Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому, что изъ Мараканды пошелъ Александръ въ Наѣтаку на югъ, и что потому Ксениппа находилась на пути его въ Наѣтаку,

¹⁾ Герцбергъ, I. с. II, 168.

а на этомъ пути именно и лежитъ долина Шегрисебская, одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ оазисовъ во всей Согдіанѣ (принимая названіе это въ обширномъ смыслѣ), къ которому какъ нельзя болѣе прилагается Курціева характеристика Ксенииппы ¹⁾. Сюда удобно было укрыться и бактрійскимъ изгнанникамъ, такъ какъ оазисъ Шегрисебскій находится весьма недалеко отъ Бактріаны, и ведутъ туда многія дороги съ береговъ Окса. Противъ такого приуроченія Ксенииппы можетъ быть выставлено то обстоятельство, что оазисъ Шегрисебскій долженствовалъ быть покоренъ Александромъ ранѣе, гдѣ-то ли того же 328 года, когда приводилъ онъ къ покорности окрестныя съ Самаркандомъ мѣста, или тогда еще, когда онъ впервые шелъ на Самаркандъ послѣ захвата Весса, то-есть, весною 329 года. Но, вѣдь, Курцій и не говоритъ, чтобы Ксенииппа была завоевана Александромъ именно осенью 328 года, на пути къ Наурѣ. Упомянуто у него о Ксенииппѣ при этомъ случаѣ потому только, что тогда произошелъ тамъ бой между Аминтою и бактрійскими выходцами; а эти-послѣдніе могли забраться сюда уже послѣ того, какъ страна подчинилась Александру. Впрочемъ, при неясности Курціева извѣстія о Ксенииппѣ, допускающаго разнообразныя толкованія, мы нисколько не настаиваемъ на тождествѣ ея съ Шегрисебзомъ, и охотно готовы допустить, что Ксенииппа соотвѣтствуетъ нынѣшней Байсун'ской долинѣ, влѣво отъ пути изъ Самарканда къ Ширабаду ²⁾, которымъ долженъ былъ двигаться Александръ на зимовку въ Паўтакѣ.

О Петрѣ Сисиматровой, приурочиваемой Томашикомъ къ нынѣшнему городку Дербенту и ведущей къ нему знаменитой тѣснищѣ, извѣстной нѣкогда подъ именемъ „Желѣзныхъ Воротъ“, а нынѣ именуемой, весьма непоэтично, Вузгола-хана, „Козій-домъ“ ³⁾, пойдеть у насъ рѣчь далѣе; теперь-же зададимся вопросомъ: если Наўтака, какъ высказались мы выше, есть има не топографическое, а хорографическое, то въ какомъ-же пунктѣ края, называвшагося Наўтакскимъ, зимовалъ Александръ въ 328—327 году? Определеннаго на это отвѣта, за отсутствіемъ какихъ-либо разъяснительныхъ указаній у Арріана

¹⁾ О Шегрисебской долинѣ см. у *Маева*, въ его Очеркахъ Вухарскаго Ханства, помѣщенныхъ въ V-мъ выпускѣ Матеріаловъ для Туркестанскаго края (СПб. 1879), стр. 89—90.

²⁾ О Байсунской долинѣ см. у *Маева*, I. с. стр. 168—169. По *Мютцелю*, Ксенииппу надо искать въ Хисарскомъ краѣ (I. с. р. 732).

³⁾ *Contralasiatische Studien*, S. 26 u. 116—118.

или Курция, дать невозможно. Несомнѣнно одно — что исконый пунктъ не долженъ былъ находится далеко отъ Бактры, гдѣ уже начались приготовленія къ замышленному Александромъ походу на Индію. Но такихъ пунктовъ на правомъ побережьи Окса можно указать нѣсколько, почти съ одинаковою по отношенію ко всѣмъ имъ вѣроятностію, что они отвѣчаютъ на заданный вопросъ. По нашимъ соображеніямъ, всего удобнѣе было зимовать Александру въ нынѣшнемъ Ширабадѣ ¹⁾, откуда скорѣе чѣмъ изъ какого-либо другаго пункта можно было предпринять предстоявшее еще завоеваніе праваго побережья Окса вверхъ по его теченію, и спускающихся къ нему съ сѣвера долинъ рѣкъ Сурхана, Кафирнигана, Сурхаба и т. д. Ширабадъ, между жителями котораго и до сихъ поръ еще хранился преданіе, что городъ этотъ видѣлъ подъ своими стѣнами войска Александра Македонскаго ²⁾, покоренъ былъ этимъ послѣднимъ, должно полагать, или въ первый походъ его на Согдіану, или во второй, такъ какъ лежить на удобнѣйшей дорогѣ изъ Балха (Бактры) въ Самаркандъ. Если, не смотря на то, не находимъ извѣстія о занятіи его Македонцами и слѣдованіи ими черезъ тѣснину „Желѣзныхъ Воротъ“, которою пролетаетъ означенная дорога, это нисколько не опровергаетъ самаго факта, такъ какъ мы видѣли уже, что подобнаго рода пропуски у обоихъ историковъ нашихъ встрѣчаются чуть не на каждомъ шагѣ.

Съ покойнымъ сердцемъ могъ Александръ отдыхать въ Наутакѣ отъ лѣтнихъ трудовъ и пиршествъ своихъ въ Согдіанѣ, предаваясь думамъ и мечтамъ о дальнѣйшихъ подвигахъ въ Индію: самаго опаснаго изъ праговъ, какихъ только встрѣчалъ онъ до сихъ поръ, Спитамена, не было уже на сѣвѣ; Согдіана, Ушрусана, Ксениппа, Наутака, южная Бактріана, залитыя кровью и лишившіяся мужественнѣйшихъ сыновъ своихъ, покорствовали обезсиленные и изнеможенные ³⁾.

¹⁾ О Ширабадѣ см. у *Мааса*, I. с., стр. 154, 156 и 307—308.

²⁾ *Маасс*, I. с., стр. 156.

³⁾ Энергично, соотвѣтственно качеству дѣйствій Александра, выражается Томашевъ объ этомъ предметѣ: «Nur dem Aufgebote der höchsten Rascheit und Energie sowie der Anwendung einer unmenschlichen Vernichtungswuth von Seite des Eroberers gelang es die wiederholt ausgebrochenen Volksaufstände zu unterdrücken und in Sogd Ruhe, freilich die Ruhe einer Leichenstätte, zu schaffen» (Centralasiatische Studien, S. 6).

Сосѣдніе кочевники, получивъ достаточные уроки не мѣшаться въ чужое дѣло, не чувствовали расположенія подвергать себя вновь тяжелымъ ударомъ греческаго оружія. Задача покоренія Заоксусчины была достигнута въ главномъ и существенномъ; но оставалось еще довершить ее завоеваніемъ, какъ сейчасъ сказано, горныхъ твердынь въ долинахъ праваго берега верховьевъ Окса, куда укрылось нѣз Согдіаны и Бактріаны много мѣстной знати, не примирившейся еще съ мыслью о покорности иноземцамъ, и полагавшей себѣ въ безопасности отъ нихъ, по трудности пробраться въ трупцы, куда зашла она, обезпечивъ себя надолго всякими запасами. Отсюда, съ уходомъ Александра въ Индію, могла она снова воспламенить только что утешенныя возстанія; можетъ быть, только и ждала его ухода, чтобы приняться за дѣло. Разгромомъ этихъ послѣднихъ обломковъ мѣстной независимости условливалось и подчиненіе македонской власти зависѣвшаго отъ нихъ простонародія. Такой разгромъ и поставилъ Александръ цѣлю своихъ дѣйствій послѣ трехмѣсячной зимовки въ Наутакѣ.

Весенній походъ 327 года въ страны вверхъ по Оксу ¹⁾ открылся, по Арріану (IV, 18, 4), движеніемъ на „петру“ въ Согдіанѣ, куда укрылся Бактріецъ Оксіартъ, овладѣніемъ этою „петрою“ и женитьбою Александра на дочери Оксіарта, Роксанѣ. Затѣмъ движеніемъ въ Паретаку, осадю тамъ „петры“ Хоріеновой и сдачею ея, послѣ чего Александръ отиравается въ Бактры, оставивъ Кратера раздѣляться съ остальными въ Паретакѣ „мятежниками“: Катаномъ и Аўстаномъ. По Кв. Курцію (VIII, 4, 14, 16 и V, 17), съ зимовки (въ области Наўра?) направляется Александръ въ страну по имени Габаза, подвергается на пути сильнѣйшей бурѣ, получаетъ помощь отъ Сисимитра, дѣлаетъ вторженіе въ земли Саконъ и опустошаетъ ихъ; идетъ затѣмъ въ область Когортанову, женится тамъ на дочери Оксіарта Роксанѣ, и посылаетъ Кратера преслѣдовать Аўстана и Катену, а Полисперхона—завоевывать область Вубакену. Такимъ образомъ, общаго въ повѣствованіи обоихъ историковъ только два обстоятельства: женитьба на Роксанѣ (да и то по Арріану въ одномъ, по Курцію въ другомъ мѣстѣ) и командировка Кратера противъ Аўстана и Катена. Остальные факты приходится распредѣлять по соображенію. Относительно послѣдовательности событій довѣряя болѣе Арріану,

¹⁾ Герцбергъ, (I. с. II, 172) полагаетъ, согласно съ Мюллеромъ (I. с. p. 741), что выступленіе въ походъ послѣдовало во второй половинѣ февраля 327 года.

мы полагаемъ, что походъ 327 года дѣйствительно начался съ осады „петры въ Согдіанѣ“, и что эта петра есть та самая Сисимитрова твердыня, овладѣніе которою относить Курцій, какъ видѣли мы, къ военнымъ дѣйствіямъ Александра въ концѣ 328 года. Тождество „твердыни Сисимитровой“ съ „петрою въ Согдіанѣ“ устанавливаетъ для насъ показаніе Страбона (XI, 11, 4), что Роксана, дочь Оксіартова, находилась въ „петрѣ Сисимитровой“. Направиться сюда понуждало Александра то обстоятельство—говоритъ Арріанъ (IV, 18, 4), что, „по слухамъ, сбѣжались сюда многіе изъ нежелавшихъ покориться Согдійцевъ, и сюда же укрылъ жену и дочь, какъ въ неприступное убѣжище, и Бактріецъ Оксіартъ, тоже возмущившійся. Съ покореніемъ этой твердыни можно было ожидать, что возстанію Согдійцевъ положенъ будетъ конецъ“. Мы видѣли выше, какъ описываетъ Курцій мѣстоположеніе „Сисимитровой скалы“ и дѣйствія осаждавшаго ее Александра. Вотъ чтò читаемъ о томъ же самомъ у Арріана (IV, 18, 5): „Приблизившись къ Петрѣ, увидѣлъ Александръ, что подъемъ на нее со всѣхъ сторонъ крайне крутъ, а о защитникахъ ея узналъ, что они запаслись продовольствіемъ на долгое время. Затрудненъ былъ также доступъ къ Петрѣ для Македонянъ и глубокими снѣгами, тогда какъ варварамъ доставляли они воду въ обиліи. Не смотря на все это, Александръ рѣшилъ взять Петру штурмомъ. Побудили его къ этому чувство гнѣва и жажда славы вслѣдствіе надмѣннаго отвѣта варваровъ на предложеніе его сдаться и быть распущенными по домамъ: насмѣхаясь надъ этимъ предложеніемъ, варвары отвѣчали: „пусть прежде добудетъ себѣ Александръ крылатыхъ воиновъ, которые были бы въ состояніи забраться на петру, обыкновенныхъ же людей мы не боимся“. Вслѣдствіе этого, Александръ объявилъ по своему войску, что первый, кто войдетъ на петру, получить въ награду 12 талантовъ, второй за нимъ — 11-ть, третій — 10-ть и такъ далѣе до 20-го, съ наградою въ 300 дариковъ (одинъ талантъ). Надежда получить такіа (неслыханныя) награды еще болѣе воспламенила Македонянъ, и безъ того готовыхъ ринуться на подвигъ. Изъ числа воиновъ, привыкшихъ, при осадахъ, взбираться на утесы, отобрано было 300 человекъ; ихъ снабдили небольшими желѣзными кольями, служившими для прикрѣпленія патровъ къ землѣ, привязавъ къ этимъ кольямъ крѣпкія холщевыя полотенца: колья, втыкаемые въ почву или въ окрѣпшій отъ мороза снѣгъ, должны были служить пособіемъ для подъема. Затѣмъ ночью команду эту направили къ самой крутой части петры, гдѣ потому и караула туземцами не дер-

жалось. Втыкая колья, пошли люди подыматься выше и выше, кто какъ могъ и гдѣ могъ. Десятая доля изъ взбравшихся погибла при этомъ, такъ что потомъ не могли отыскать и тѣлъ ихъ для погребенія: въ снѣгахъ утонули. Остальные къ разсвѣту взобрались на самую вершину горы, и, какъ приказано было Александромъ, дали знать о томъ, размахивая полотенцами. По этому знаку, Александръ тотчасъ же послалъ къ варварамъ герольда съ приказаніемъ объявить имъ, чтобы сдавались немедленно, такъ какъ крылатые вонны изобрѣтены имъ и находятся уже на макушкѣ горы, — и указать при этомъ на забравшихся туда Македонцевъ. Пораженные неожиданностію зрѣлища, полагая число Македонцевъ на вершинѣ горы гораздо значительнѣйшимъ, чѣмъ оно было, и считая ихъ хорошо вооруженными — варвары сдались".

Между этимъ разказомъ и разказомъ Курція о мѣстности и осадѣ „Сисимитровой скалы" нѣтъ ни одной точки схода. Но за то, исключая преувеличенія въ описаніи мѣстности, Курцій повѣствуетъ точно то же самое, что и Арріанъ — о покореніи „Аримазовой скалы", какъ видѣли мы это выше. Кто изъ двухъ историковъ перепуталъ обстоятельства, отнесъ къ осадѣ одной мѣстности тотъ способъ овладѣнія ею, который пущенъ былъ въ ходъ ради покоренія другой? По Страбону (XI, 12, 4), Сисимитрова петра имѣла въ высоту 50, въ окружности 80 стадій, представляла на вершинѣ своей площадь способную прокормить (то-есть при хлѣбопашествѣ на ней) 500 человекъ. Согдійская-же Аримазова петра была, по тому же, Страбону, вдвое выше Сисимитровой. На этомъ основаніи, разказъ о 300 „крылатыхъ воннахъ" полагаемъ мы относящимся скорѣе къ Аримазовой, чѣмъ къ Сисимитровой петрѣ, отдавая на этотъ разъ предпочтеніе Кв. Курцію. Такимъ образомъ, и Страбонова „Сисимитрова" и Арріанова „Согдійская" петра тождественны, по нашему мнѣнію, съ „Сисимитровою" петрою Кв. Курція, не смотря на разказъ послѣдняго объ овладѣніи ею, не представляющій никакого схода съ повѣствованіемъ о томъ же Арріана. Допустивъ, что это послѣднее относится къ покоренію Аримазовой, а не Сисимитровой петры, ничто не мѣшаетъ намъ признать Курціевъ разказъ объ операціяхъ Александра для овладѣнія Сисимитровою петрою относящимся именно къ этой, а не къ какой-либо другой мѣстности; но нельзя не замѣтить, что описаніе Сисимитровой петры, даваемое намъ римскимъ историкомъ, поражаетъ неестественностію и невозможностями разнаго рода и очень мало соотвѣтствуетъ мѣстности „Желѣзныхъ Воротъ", насколько

знаемъ мы ее изъ современныхъ извѣстій. Сходство заключается единственно въ описаніи ущелья, которое вело къ „скалѣ“, а затѣмъ описаніе самой скалы съ ея рѣкою и корридормъ не представляетъ ничего похожаго на мѣстность нынѣшняго поселка Дербентъ, къ которому приурочиваетъ ее Томашекъ ¹⁾. Ущелія же, подобныя описываемому Курціемъ, встрѣчаются въ краю на востокъ и юго-востокъ отъ нынѣшняго Карши почти на каждомъ шагу, вслѣдствіе чего петру Сисимитрову можно, съ одинаковою вѣрностію, приурочивать какъ къ Дербенту, такъ и ко многимъ другимъ пунктамъ края. Но равъ предположивъ, что Александръ зимовалъ въ Ширабадѣ, мы не можемъ уже приурочивать означенную крѣпость къ пункту сѣвернѣе этого города по направленію къ Самарканду, а должны отыскивать ее восточнѣе, и полагаемъ, что она соотвѣтствовала лежащему нынѣ въ развалинахъ, славному нѣкогда, городу Термеду ²⁾.

Въ „петрѣ Согдійской“ достались, по Арріану (IV, 19, 4—5), въ руки Македонцевъ, кромѣ жены и дочери Оксіарта, жены и дѣти многихъ другихъ лицъ мѣстной знати. Плѣнившись красотою дочери Оксіартовой, Роксаны, считавшейся второю по всей Азій красавицею послѣ жены Дарія, Александръ не захотѣлъ оскорбить ее, поступивъ съ нею какъ съ плѣнницею, а взялъ ее за себя въ замужество. Услышавъ объ этомъ, „мятежничавшій“ дотошъ Оксіартъ добровольно явился къ Александру, и принять былъ имъ съ честью подобающе царскому тестю (IV, 20, 4). По Кв. Курцію, относящему бракъ съ Роксаною нѣсколько позже и къ другому мѣсту, Оксіартъ взять былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ дочерью, и Александръ увидѣлъ ее на пиру, дапномъ въ честь его Оксіартомъ, и такъ былъ обвороженъ ея прелестями, что тутъ же изобрѣлъ теорію, по которой слѣдовало ему жениться на ней для примиренія Персовъ съ Македонцами, не смотря на то, что онъ царь, а она плѣнница и дочь сравнительно неважнаго князька, ибо де и предокъ его Ахиллъ тоже, какъ извѣстно, женился на плѣнницѣ (VIII, 4, 16). Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что женитьба Александра на дочери Оксіарта много содѣйствовала примиренію съ нимъ бактрійской и согдійской знати, а для обезпеченія владычества его въ долинахъ Окса и Политимета это было для него

¹⁾ О мѣстности этой см. у *Магга*, въ его «Очеркахъ Гиссарскаго края» (въ V-мъ выпускѣ «Матеріаловъ для статистики Туркестанскаго края», стр. 146—149).

²⁾ О мѣстоположеніи Термеда и его нынѣ развалинахъ см. у *Магга*, I. с., стр. 234.

нужнѣе, чѣмъ склонить на свою сторону и безъ того раболѣпныхъ Персовъ хотя бы бракомъ съ дочерью Дарія (что, впрочемъ, онъ позже и сдѣлалъ).

И такъ, мы полагаемъ, что походъ 327 года начался овладѣніемъ Сисимитровою петрою, а затѣмъ имѣли мѣсто событія, о которыхъ Арріанъ умалчиваетъ, а разказываетъ только Курцій. Первымъ изъ этихъ событій было движеніе Александра въ страну по имени Габазы. Для насъ несомнѣнно, что страна эта — область Кобадіанская ¹⁾. Городъ Кобадіанъ, упоминаемый у средневѣковыхъ арабскихъ географовъ, существуетъ и до нынѣ. Отъ Ширъ-Абада до него считается около 230 верстъ. На этомъ пути, на третій день по выступленіи съ зимнихъ квартиръ, войско македонское, проходя лѣсомъ, пострадало отъ сильнѣйшей грозы, сопровождавшейся ливнемъ и градомъ. Двѣ тысячи человекъ воиновъ, обозныхъ служителей и марки-тантовъ погибли отъ холода, заковенѣвъ въ эту бурю, и плохо пришлось бы завоевателямъ еслибы на помощь къ нимъ не явился Сисимитръ, пригнавшій большое количество вьючныхъ животныхъ, 2,000 верблюдовъ и много крупнаго и мелкаго порціоннаго скота. Поблагодаривъ Сисимитра за столь важную услугу (не женился бы на Роксанѣ, такихъ услугъ туземцы, конечно, не стали бы оказывать), Александръ приказалъ воинамъ своимъ взять съ собою 6-дневный провіантъ, и предпринять поискъ въ землю Саковъ, опустошивъ которую, изъ прибрѣтенной добычи 30,000 головъ скота подарилъ Сисимитру.

Этотъ набѣгъ на Сакскія земли ясно указываетъ на мѣстность, изъ которой онъ былъ предпринятъ. Границы между осѣдлымъ населеніемъ Согдіаны (въ обширномъ смыслѣ, то-есть со включеніемъ въ предѣлы ея долинъ на югъ отъ Хисарскаго-Хребта) и сосѣдними кочевниками съ сѣверо-востока были, на памяти исторіи, всегда однѣ и тѣ же, и всегда одними и тѣми же путями проникали кочевники въ помянутыя долины. Въ Александрово время такими кочевыми сосѣдами Согдійцевъ были Саки; позже, Саковъ (когда они выселились изъ старыхъ предѣловъ своихъ) замѣнили коитъна тюрескія. Противъ вторженій этихъ-послѣднихъ, въ ущельѣ, которымъ они обыкновенно

¹⁾ Звуковое сходство *Габазы* съ *Кобадіаномъ* усиливается тѣмъ еще, что послѣднее имя пишется у географовъ арабскихъ, какъ *Ковадіанъ*, такъ и *Кобадіанъ* (подобно тому какъ и *Термедъ* зовется нерѣдко у азіатскихъ писателей *Термедомъ*). *Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, IV, 110.

проникали въ области Эр-раштъ, бармекидъ Фадль бенъ-Яхья выстроилъ стѣну съ двумя замками, которая запирала это ущелье ¹⁾. Означенную преграду средневѣковые арабскіе географы называютъ просто Эль-Кал'а, „крѣпость“. Черезъ это-то ущелье, по всей вѣроятности, и сдѣлалъ Александръ свой набѣгъ на земли Саковъ, къ сѣверу и востоку отъ ущелья простиравшіяся. Область Эр-раштъ, по имѣющимся о ней арабскимъ свѣдѣніямъ, должна была находиться къ востоку отъ р. Сурхаба, въ нынѣшнемъ Каратегинѣ или нѣскольکو южнѣе, а „крѣпость“, выстроенную Фадломъ, можно признать, пожалуй, въ нынѣшнемъ Кале-и-Серипул'ѣ.

Если изложенная догадка основательна, значитъ Александръ изъ Ширабада пошелъ на Термедъ (въ Кобадіанской области), а оттуда на Кулабъ, изъ котораго поднялся на сѣверъ до Серипула, откуда и предпринялъ вторженіе въ земли Саковъ.

По Арріану, какъ сказано, Александръ, взявъ „петру Согдійскую“ (по нашему приуроченію Термедъ), двинулся въ Паретаку, вслѣдствіе того, что увѣдомился о существованіи тамъ сильной горной крѣпости, куда тоже укрылось много „парваровъ“. Звалась эта крѣпость „петрой Хоріеновой“, и засѣлъ тамъ какъ самъ Хоріенъ, такъ и не малое число другихъ князьковъ (собственно „эпарховъ“). Въ высоту, по описанію Арріана (IV, 21, 2—9), имѣла эта петра около 20 стадій, въ окружности 60-тъ, и, при крутизнѣ со всѣхъ сторонъ, представляла доступъ лишь по узенькой тропинкѣ, по которой едва можно было подниматься въ одиночку. Сверхъ того, окружена она была глубочайшимъ рвомъ, который, прежде приступа къ самой крѣпости, предстояло осаждающему засыпать. Съ этою цѣлію приказалъ Александръ нарубить высокихъ сосенъ, въ обиліи росшихъ въ окрестностяхъ петры, и надѣлать изъ нихъ лѣстницъ, при помощи которыхъ войско его могло бы спуститься въ ровъ. Днемъ половина войска работала подъ наблюденіемъ самого Александра, ночью — другая половина, раздѣленная на три смѣны, — подъ надзоромъ его тѣлохранителей: Пердикки, Леонната и Птоломея Лагова. По спускѣ въ ровъ, въ стѣны его вбиты были колья, которые затѣмъ обрѣшетили ивыякомъ, такъ что образовался помостъ, и сверхъ этой обрѣшетки, крѣпко связанной, насыпали земли, чтобы уравнивать путь для движенія вой-

¹⁾ Не имѣя подъ рукою Ибнъ-Хордадбега, которому принадлежитъ приведенное извѣстіе, ссылаемся на *Томашека*, который цитируетъ его въ своей *Sogdiana*, p. 49.

ска подъ крѣпость. Варвары, глядя на эти работы, смѣялись сначала, считая ихъ напрасными; но когда Македонцы стали поражать ихъ стрѣлами, а сами они, стрѣлая сверху внизъ, не наносили никакого вреда осаждающимъ, работавшимъ подъ навѣсами, Хоріонъ призадумался и отправилъ къ вождю Македонцевъ герольда, съ просьбою прислать къ нему Оксіарта. Послѣдній, свидѣвшись съ Хоріономъ, принялся уговаривать его отдать и себя, и петру во власть Александру, утверждая, что войскамъ его ничто не можетъ противостоять, тогда какъ, въ случаѣ добровольной сдачи, Хоріонъ можетъ рассчитывать на вѣрность въ словѣ и милость цари, въ доказательство чего приводилъ какъ многихъ другихъ испытавшихъ это, такъ и самого себя. Уговоры подѣйствовали, и Хоріонъ, сопровождаемый нѣсколькими родственниками и друзьями, явился въ станъ побѣдителя. Александръ встрѣтилъ его благосклонно, принялъ въ число довѣренныхъ лицъ и оставилъ при своей особѣ; изъ сопровождавшихъ же его отослалъ нѣкоторыхъ назадъ въ петру, чтобы приказали сдаться и остальнымъ тамъ находившимся. Такимъ образомъ петра отдана была Александру тѣми самыми, кто бѣжалъ туда отъ него. Тогда Александръ поѣхалъ осмотрѣть это новое приобрѣтеніе всего съ 500 щитоносцами, отдалъ его опять подъ власть Хоріону, и поручилъ заведыванію его все то, чѣмъ онъ дотолѣ правилъ".

Къ этому разказу объ осадѣ и сдачѣ петры Хоріоновой прибавляетъ Арріанъ (IV, 21, 10), что „вслѣдствіе глубокихъ снѣговъ зимою въ томъ краю войско терпѣло не мало отъ недостатка въ сѣстныхъ припасахъ и другихъ необходимыхъ предметахъ; что Хоріонъ вызвался снабдить Македонцевъ двухмѣсячнымъ провіантомъ изъ запасовъ, собранныхъ имъ въ петру въ виду могшей случиться осады, и выдавъ въ означенномъ количествѣ хлѣбъ, вино и соленое мясо, хвалился еще, что все это не составляетъ и десятой доли помннутыхъ запасовъ: ради того, въ вящей еще чести возымѣлъ его Александръ, находя, что сдался онъ скорѣе по доброй волѣ, чѣмъ силою къ тому принужденный".

Гдѣ же находилась эта „петра“ Хоріенова? По Арріану, должно искать ее въ Паретакенѣ. Но что такое самая Паретакена? Это, во первыхъ, не собственное имя какой-либо страны, какъ Согдіана или Бактріана; это—имя нарицательное, встрѣчающееся, потому, въ разныхъ частяхъ Азіи. Такъ Страбонъ упоминаетъ о Паретакенѣ между Мидіей и Персидой, и о Паретакенѣ въ Ассиріи, къ сѣверу

отъ Вавилоніи ¹⁾. Терминъ Паретакена, соотвѣтствуя нынѣшнему персидскому Кугестанъ, означалъ „горную страну“. Для жителей равнинъ всякое гористое пространство по сосѣдству съ ними было „Паретакеною“. Въ этомъ смыслѣ для обитателей праваго побережья Окса южнѣе Кобадіана и Кулаба „Паретакеною“ должны были быть среднія и сѣверныя части нынѣшняго Хисарскаго-Края, то-есть долины рѣкъ Сурхана, Кафирнигана и Сурхаба. Край этотъ, и по Кв. Курцію, принимая въ соображеніе движеніе черезъ Габазу, былъ театромъ военныхъ дѣйствій Александра раннею весною и лѣтомъ 327 года ²⁾. Что-же касается до того, какой изъ пунктовъ Хисарскаго-Края могъ соотвѣтствовать „петрѣ“ Хоріеновой, объ этомъ опредѣленнаго мнѣнія мы не имѣемъ, по трудности или, точнѣе сказать, совершенной невозможности приурочивать фантастическія описанія заоксускихъ твердынь, встрѣчаемыя у Курція и даже Арріана въ какомъ-либо существующемъ въ дѣйствительности мѣстности. Могъ это быть нынѣшній Хисаръ, могъ быть и другой пунктъ въ томъ краю.

По Кв. Курцію, какъ видѣли мы, Александръ, послѣ поиска на Саковъ, приходитъ въ область Когортанову, и женится тамъ на дочери Оксіарта, Роксанѣ. Мютцель, въ своемъ изданіи Курція (р. 746), вмѣсто Cohortanes satrapes nobilis, какъ читаемъ въ старыхъ изданіяхъ, пишетъ Oxyartes, satrapes nobilis, то-есть, сатрапомъ области, куда приходитъ Александръ отъ Саковъ, называетъ Оксіарта, отца Роксаны, а не Когортана. Эта замѣна Когортана Оксіартомъ представляется намъ совершенно произвольною. По самому ходу событій въ весенній походъ 327 года, видно, что бракъ съ Роксапою долженъ былъ имѣть мѣсто, какъ и читаемъ у Арріана, въ началѣ, а не подъ конецъ этого похода, куда отнесъ его Курцій; а если такъ, то послѣ поиска на Саковъ, долженъ былъ Александръ придти въ область, управляемую не Оксіартомъ, а какимъ-либо другимъ лицомъ. Такимъ лицомъ и былъ Когортанъ, котораго „считаемъ мы тождественнымъ съ Хоріеномъ Арріана. О Когортанѣ говоритъ Курцій (VIII, 4, 16), что онъ добровольно покорился Александру, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній воз-

¹⁾ Страбонъ, XI, 12, 14 и 13, 6; XV, 2, 8; XVI, 1, 1 и 17.

²⁾ Странно, какъ лингвистъ Томашекъ не обратилъ вниманія на нарицательный характеръ имени *Паретакена*, и вслѣдствіе того, увлекшись единственно созвучіемъ, вздумалъ приурочивать Паретакену Арріанову къ округу *Парайанъ* въ Бодахшанѣ, вслѣдствіе чего заставлялъ и Александра дѣйствовать въ этой странѣ (Sogdiane, 52), куда, по всей вѣроятности, онъ и не заглядывалъ.

становилъ его въ управленіи подчинявшемуся ему областію, потребовавъ только, чтобы онъ изъ трехъ сыновей своихъ отдалъ ему на службу двоихъ, а Когортавъ отпустилъ съ нимъ и остальнаго, третьяго сына. Арріанъ не упоминаетъ о такомъ свидѣтельствѣ преданности со стороны Хоріена, но, какъ видѣли мы, отношенія Хоріена къ Александру представляетъ тоже крайне дружественными, такъ что въ сущности между Арріаномъ и Курціемъ нѣтъ противорѣчій по этому предмету.

Разказывая о военныхъ дѣйствіяхъ Александра въ Хисарскомъ краю, одинъ одно, другой другое, оба историка наши согласны, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что въ заключеніе описанныхъ ими подвиговъ царя Македонскаго, отправляютъ его въ Бактры, укрощеніе двухъ остальныхъ „мятежниковъ“, Катана (или Катена) и Аўстана, предоставляя его военачальникамъ. Курцій не упоминаетъ о томъ, гдѣ находились эти послѣдніе могиланы національныхъ возстаній въ Заоксусиніи. По Арріану, укрывались они тоже въ Паретакенѣ, предѣлы которой, повидимому, не ограничивались однимъ Хисарскимъ краемъ, а заключали въ себѣ и горныя владѣнія какъ на востокъ отъ этого края, такъ и по западнымъ скатамъ Памирской Выси, т.-е. нынѣшній Дербазъ и т. д. По Курцію и Арріану, преслѣдовать Катена и Аўстана посланъ былъ Кратеръ, причемъ Арріанъ показываетъ и составъ порученнаго ему отряда: 600 конныхъ гетеристовъ и четыре пѣшихъ полка: его собственныя, Полисперхонтовъ, Атталонъ и Алкетовъ. Пастигнувъ „мятежниковъ“, Кратеръ вступилъ съ ними въ жестокой бой, при чемъ Катанъ палъ сражась, Аўстанъ же былъ взятъ въ плѣнъ и, впоследствии, представленъ Александру. „Варваровъ“ въ этомъ бою легло: конныхъ — 120, пѣшихъ — около 1500. О потеряхъ, понесенной Македонцами, не упоминается. Исполнивъ, такимъ образомъ, приказанное ему, Кратеръ, по Арріану, присоединился къ Александру въ Бактрахъ. По Курцію, Полисперхонъ покорилъ еще страну по имени Вубакена ¹⁾. Если страна эта соответствуетъ Вадахшану ²⁾, Полисперхонъ, значитъ, возвратился въ Бактры черезъ Фейзабадъ и Кундузъ.

Что касается до Александрова пути въ Бактры послѣ овладѣнія

¹⁾ Арріанъ, IV, 22, 1—2; Ев. Курцій, VIII, 5, 17.

²⁾ Такъ можно думать, имѣя въ виду, что надо же было овладѣть и Вадахшаномъ; кромѣ того приводитъ къ этому предположенію и сходство звуковъ: *Вубакена* въ рукописяхъ Курція могло произойти легко изъ *Вадахшана*. Дройзель и Маннъ также принимаютъ Вубакену за Вадахшанъ.

„Хоріеновою петрою“, то изъ сѣверныхъ частей Хисарскаго края, гдѣ, по предположенію нашему, находилась эта петра, съ верховьевъ Кафирнигана и Сурхана, обратно на юго-западъ двигался онъ къ переправѣ на Аму у нынѣшняго Патта-Кисар'а, черезъ нынѣшніи Серн-джуй, Дигинау и по теченію Сурхана до Термеда. Это кратчайшій путь, какимъ только могъ онъ пройти спѣша въ Бактры для приготовленій къ походу въ Индію, и, слѣдуя этимъ путемъ по западной части Хисарскаго края, довершалъ онъ покореніе этого края, начатое по линіи отъ Термеда на Кулабъ черезъ Кобадіанъ (южная часть края), и продолженное затѣмъ вверху отъ Кулаба до Серипула (восточная часть края), и отъ Серипула до Хисара (сѣверная часть края). Этимъ движеніемъ и закончились походы македонскаго завоевателя въ предѣлахъ Западнаго Туркестана, куда уже не возвращался онъ болѣе, отправившись изъ Бактръ, въ томъ же 327 году, черезъ Гиндукушъ, въ Кабулистанъ.

Изъ представленнаго разсмотрѣнія дѣйствій Александра Великаго, въ теченіе 329—327 годовъ, по завоеванію и приведенію въ покорность странъ на сѣверъ отъ Таврскаго Хребта (въ Страбоновомъ смыслѣ), оказывается, что оба историка, доставляющіе намъ матеріалъ для этого, весьма дурно воспользовались своими источниками, вслѣдствіе чего, на основаніи ихъ извѣстій, нѣтъ возможности составить картину военной дѣятельности македонскаго героя за означенный періодъ, хотя сколько нибудь вѣрную въ частностяхъ: получается только общій абрисъ съ темными на каждомъ шагѣ пятнами.

Идетъ Александръ завоевывать обширное пространство съ многочисленнымъ населеніемъ и стародавнѣю цивилизаціею, до тѣхъ поръ Грекамъ совершенно неизвѣстными, и — никакихъ предварительныхъ свѣдѣній о предстоящемъ театрѣ дѣйствій, ни географическихъ, ни этнографическихъ, не говоря уже о статистическихъ или историческихъ. А затѣмъ то же игнорированіе мѣстности, населенія и политическихъ обстоятельствъ страны въ продолженіе всего повѣствованія, за исключеніемъ кое-какихъ извѣстій о теченіи Политемета (Зерафшанъ). Спускается македонскій герой со снѣжныхъ вершинъ Кавказа (Гиндукуша) въ прибрежныя равнины Окса (Аму-Дарья), и — никакихъ подробностей о пути его до самыхъ Бактръ (Балха). Переправляется онъ черезъ Оксъ, идетъ на Мараканду, и — мы остаемся въ полнѣйшемъ

невѣдѣніи на счетъ маршрута его до этого пункта. Приходитъ онъ къ Яксарту (Сыръ-Дарьѣ) и — никакихъ извѣстій о томъ, какъ занимаетъ онъ Ушрусану, а затѣмъ когда онъ возстаетъ — самыя тощія подробности о возставшихъ городахъ, не дающія возможности опредѣлить съ точностію ихъ положеніе. Основывается Александрія, и — полнѣйшее отсутствіе какихъ-либо указаній о мѣстности, гдѣ возникла она. Укрощая возстаніе въ долинѣ Политимета, доходитъ Александръ до самаго низовья этой рѣки, и — ни малѣйшихъ подробностей о владѣніяхъ и городахъ по берегамъ ея, о томъ, какъ забиралъ онъ ихъ, что при этомъ происходило. Далѣе: не знаемъ мы толкомъ, гдѣ зимовалъ онъ, въ Хоразмъ, Маргіанъ или Бактріанъ; самъ ли онъ или военачальники его усмиряли возстаніе въ этой-последней, какими обстоятельствами сопровождалось это усмиреніе, и какъ далеко на востокъ простиралось подчинившееся Македонцамъ бактрійское населеніе. Во второмъ году похода въ Заоксусчину, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, въ какихъ частяхъ Согдіаны дѣйствовали противъ возставшихъ адъсы туземцевъ, какъ самъ Александръ, такъ и его военачальники, гдѣ именно возставшіе покорялись безъ сопротивленія, гдѣ отстанвали свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ; какіе города, взаимно разрушенныхъ, основалъ Эфестіонъ; въ какомъ направленіи отъ Мараканды находились Базайра (или Басиста) и Ксениппа; гдѣ именно высилась чудная петра Аримазова; гдѣ именно зимовалъ Александръ въ Паутакахъ; осенью 928 или раннею весною 927 года взята была „петра Сисимитрова“. О третьемъ походѣ Александра въ Заоксусчину не имѣемъ ничего кромѣ самыхъ сбивчивыхъ извѣстій, начиная съ осады этой самой петры и ея загадочнаго мѣстонахожденія. Если Александръ дѣйствительно предпринималъ понысь въ землю Сакковъ, то-есть на Алайскую-Высь (чему намъ не очень вѣрится), то ни путь его туда, ни обратное движеніе, равно какъ и мѣстонахожденіе петры Хоріеновой, не освѣщаются никакими указаніями, по которымъ бы можно узнать, гдѣ онъ шелъ и куда не ходилъ.

Между-тѣмъ, какъ указанные, такъ и другіе пробѣлы въ исторіи туркестанскихъ походовъ Александра могли бы, при болѣе вниманіи къ дѣлу со стороны Курція и Арріана, быть, если не всѣ, то значительною частію, пополнены. Заключаемъ это изъ нѣсколькихъ sporadическихъ замѣтокъ у Страбона, и оглавленія потерянныхъ частей XVII-й книги Діодоровой „Библіотеки“. Видно, что въ рукахъ того и другаго паходились источники, которыми не захотѣли воспользоваться ни риторъ-римлянинъ, ни воинъ-администраторъ грекъ.

Такъ упоминается у Діодора объ усмирении Александромъ возставшихъ Вактрійцевъ послѣ такого же усмирения Согдійцевъ въ 729 году, и о третьемъ возстаніи Согдійцевъ послѣ основанія городовъ Эфестіономъ ¹⁾—обстоятельствахъ пропущенныхъ Арріаномъ и, отчасти, Курціемъ. Такъ у Страбона (XI, 11, 4) встрѣчаемъ извѣстіе о городѣ Каріатѣ въ Вактріанѣ, гдѣ заключенъ былъ подъ стражу Каллисеевъ, городѣ, разрушенномъ Александромъ, и т. д.

Не смотря, однакоже, на всѣ недостатки свои, картина военныхъ дѣйствій Александра въ Западномъ Туркестанѣ изумляетъ, поражаетъ общими своимъ эффектомъ. Горсть Грековъ — иначе нельзя назвать 20—30 тысячъ войска Александра — предводительствуемая молодымъ государемъ Македоніи, вторгается въ совершенно неизвѣстную ей страну съ 20—30-милліоннымъ населеніемъ, о которомъ не имѣетъ никакого понятія, или, вѣрнѣе сказать, составляетъ себѣ самыя ошибочныя представленія, мѣряя его знакомымъ ей персидскимъ аршиномъ. Населеніе это, сначала ошеломленное, и потому кажущееся миролюбивымъ и покорнымъ, является затѣмъ, сверхъ всякаго ожиданія, свободолюбивымъ и воинственнымъ. На память вѣкамъ о пребываніи своемъ на берегахъ далекаго Яксарта, куда изъ великихъ завоевателей міра только одинъ Киръ доходилъ, строятъ тамъ македонскій государь городъ своего имени, а кругомъ его и кучки его Грековъ, тысячами верстъ отдѣленныхъ отъ родины и всякой помощи, возстаютъ почти все, что только можетъ носить оружіе. Погибнуть должны незванные гости, нѣтъ имъ никакого спасенія. Спасеніе является однакоже — въ неустрашимомъ духѣ и воинскихъ способностяхъ юнаго предводителя Грековъ и Македонцевъ. Онъ видитъ, что возстаніе не организовано, возставшіе не имѣютъ связи между собою, не имѣютъ общаго плана дѣйствій, и —кидается съ странною энергіею на ближайшихъ, болѣе слабыхъ изъ возмущившихся, а затѣмъ на сильнѣйшую изъ нихъ твердыню и опаснѣйшаго изъ предводителей возстанія, и, благодаря дисциплинѣ своего войска, благодаря военнымъ машинамъ Грековъ, съ быстротою урагана разить и разрушаетъ все на своемъ пути, потоками крови виновныхъ и невинныхъ заливая развалины сожигаемыхъ селъ и городовъ. Нѣтъ пощады никому и ничему, что подвергается подъ руку. Безчеловѣчнымъ свирѣпствомъ надъ мѣстнымъ населеніемъ расчитываетъ завоеватель навести на него ужасъ,

¹⁾ Въ означеніи содержанія утраченныхъ 24-й и 25-й главъ XVII-й книги.

убить любовь его къ независимости, попытки его въ борьбѣ съ чужеземцами. И, обращенныя въ владбище, Упрусана и долина Политимета замираютъ подъ тяжестью нанесенныхъ имъ ударовъ. Утомленный самъ, завоеватель уходитъ со сцены совершенныхъ имъ неистовствъ отдохнуть и подкрѣпиться приливомъ свѣжихъ силъ изъ далекой родины. Они являются, ожидаемые воины; теперь онъ въ безопасности и замышляетъ уже о новыхъ кровавыхъ подвигахъ, въ новыхъ, незнакомыхъ еще съ грознымъ именемъ его странахъ, какъ вдругъ приходитъ извѣстіе за извѣстіемъ, что страшное напряженіе силъ, потраченныхъ на укрощеніе возставшихъ Согдійцевъ, что яростное опустошеніе ихъ страны, что рѣки ихъ крови, имъ пролитой — не послужили ни къ чему: Согдіана, вся изъ конца въ конецъ, опять подняла знамя независимости, опять готовы тамъ биться съ пришельцами за свободу родины всѣ, кто остался еще въ живыхъ. „Безумцы, они надѣются утомить меня непокорствомъ — напрасно“, рѣшаетъ завоеватель, и тушить вторичный пожаръ возстанія новымъ моремъ крови, на этотъ разъ уже съ полнымъ, повидимому, успѣхомъ; онъ принимается уже за разчистку пожарница сообразно съ своими видами, за мирное упроченіе своего владчества надъ погорѣльцами: отдаетъ осиротѣвшихъ женъ ихъ и дѣтей въ рабство устарѣвшимъ и захлѣбшимъ солдатамъ своимъ! Пожарница оказывается, однако, не вполне потушимъ; опять изъ-подъ пепла то тамъ, то сямъ вспыхиваютъ огоньки непокорства и сопротивленія. Въ третій разъ придется тушить пожаръ возстанія. Наконецъ, оно окончательно подавлено, и торжествующій Македонецъ празднуетъ побѣду свою надъ истерзаннымъ народомъ — точно мало было ему человѣческой крови — кровью тысячъ звѣрей, тутъ же и пожираемыхъ его солдатами въ испанской ночной оргіи. Но остаются обширныя окраины подавленной страны, куда еще не проникало македонское оружіе, куда, въ неприступныя горныя твердныя, укрылось все, что оставалось уцѣлѣвшимъ отъ казней, что ненавидитъ завоевателя, и, съ ожидаемымъ уходомъ его въ Индію, готово ринуться изъ своихъ убѣжищъ, чтобы уничтожить всѣ плоды двухлѣтнихъ его усилій. Трудная задача обуздать этихъ закоренѣлыхъ враговъ. Но Фортуна бодрствуетъ надъ своимъ македонскимъ набранникомъ, и снабжаетъ его средствомъ непримиримыхъ враговъ обратить въ надежныхъ союзниковъ. При первомъ же приступѣ къ расправѣ съ непокорною знатію горныхъ тущобъ, встрѣчается ему красавица-плѣнница, дочь одного изъ туземныхъ князьковъ;

герой влюбляется и — къ изумленію всѣхъ, и своихъ и чужихъ — вступаетъ съ нею въ законный бракъ. Такая невообразимая честь, вынавшая на долю туземной княжны, когда гордый побѣдитель не удостоивалъ взять за себя ни одной изъ красивыхъ дочерей бывшаго царя царей, Дарія, приводитъ въ восторгъ мѣстную аристократію, примиряетъ ее съ завоевателемъ, обращаетъ въ покорныхъ его слугъ. Отношенія измѣняются какъ-бы чудомъ. Дальнѣйшее завоевательное движеніе Александра обращается въ прогулку по мирной и преданной странѣ. Препяди ставитъ ему единственно природа, подвергая героя и его побѣдоносную рать страшнымъ испытаніямъ голодомъ и холодомъ. Онъ погибъ-бы отъ лишеній, но его спасаютъ на этотъ разъ — не собственная отвага и военный гений, а — добрыя услуги вчерашнихъ еще враговъ его, туземныхъ владѣльцевъ, волшебникомъ Роксаномъ обращенныхъ въ гостепріимныхъ хозяевъ. Наконецъ завоеватель покидаетъ опустошенную и окровавленную имъ страну съ полною увѣренностію, что совершилъ великія дѣла и неважкими чертами записалъ славное имя свое въ памяти замученныхъ имъ народовъ.

Да, пребываніе Александра въ Западномъ Туркестанѣ представляется интереснѣйшею драмою, полною неожиданныхъ перипетій. Но кому припесла пользу эта драма разыгравшаяся 2210 лѣтъ тому? Грекамъ знакомство ихъ со странами и народами къ сѣверу отъ Тапра не дало ровно ничего, ни въ какомъ отношеніи, за исключеніемъ разнѣ нѣкотораго расширенія ихъ географическихъ свѣдѣній. Какъ были для нихъ эти страны закрытою до Александра книгою, такъ мертвою буквою остались и послѣ Александра. Для туземцевъ, точно также, греческая цивилизація не припесла съ собою ничего прочнаго и жизненнаго: черезъ три вѣка послѣ македонскаго разгрома не оставалось уже въ странѣ никакихъ слѣдовъ греческаго владычества. Всѣ великіе планы Александра, или, вѣрнѣе сказать, великіе планы, приписываемые ему новыми историками въ духѣ XVIII и XIX столѣтій, не осуществились по отношенію къ странамъ въ бассейнахъ Сыра и Аму хотя-бы въ самой слабой мѣрѣ: никакого сліянія западнаго міра съ восточнымъ, никакого обмѣна идей и интересовъ, не произошло. Востокъ среднеазиатскій остался такимъ и прежде былъ, среднеазиатскимъ востокомъ, безъ малѣйшей примѣси чего-либо греческаго. Изъ-за чего-же было

Огородъ городить
Капусту садить?

Изъ-за того развѣ, чтобы, благодаря Роксанѣ, микроскопическіе владѣльцы въ предгоріяхъ Намира, которыхъ даже ничтожный бухарскій эмиръ можетъ безнаказанно отзывать нагайками, — чтобы полудикіе князьки эти считали себя, до нашихъ дней, родственниками и потомками „пророка Божія“ Александра-Двурогаго — награда, достойная кровавыхъ подвиговъ чловѣка, не знавшаго границъ своему тщеславному самолюбію.

В. В. Григорьевъ.
